

ЛЮБИМЫЙ

ДЕТЕКТИВ

ЖИЗНЬ НАОБОРОТ

Галия Мавлютова

Любимый детектив

Галия Мавлютова

Жизнь наоборот

«ВЕЧЕ»

2017

Мавлютова Г. С.

Жизнь наоборот / Г. С. Мавлютова — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Любимый детектив)

ISBN 978-5-4484-7283-1

В новом романе известной петербургской писательницы Галии Сергеевны Мавлютовой, автора многочисленных детективов и в прошлом сотрудника правоохранительных органов, рассказывается о поиске серийного маньяка-убийцы. В большом городе часто исчезают люди. Родственники безуспешно ищут иголку в стогу сена, но нет трупа – нет и преступления. Больше того, нет заявления о преступлении – никто пропавшего искать не станет. Покойника захоронят в общей могиле. Для Алины Кузиной, начинающего оперативника из территориального отдела, поймать и обезвредить преступника – это не просто исполнить служебный долг, а и добиться торжества справедливости. Главное – поверить в свои силы, несмотря на откровенные насмешки окружающих. У нее нет опыта, нет специальных навыков, она часто выглядит наивной и нелепой, но девушка преодолевает все преграды и находит убийцу.

ISBN 978-5-4484-7283-1

© Мавлютова Г. С., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Галия Мавлютова

Жизнь наоборот

Знак информационной продукции 12+

© Мавлютова Г. С., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Сайт издательства www.veche.ru

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Крысы появились внезапно. Ещё вчера их не было, никто даже шороха не слышал, а наутро одна свалилась прямо в кастрюлю с супом. Повариха в обморок грохнулась. Впрочем, присутствующие на кухне решили, что она съмитировала утрату сознания, ну, там, на всякий случай, мало ли что. Крыса бежала по своим делам по шаткому потолку и, видимо, оступилась и свалилась в гипрочный проём. Не сварилась, однако, осталась цела. Суп только залили, не успел вскипеть. Послали за санитаром Егоркой. Его все так и звали: Егорка да Егорка. А он бородатый, высоченный, косая сажень в плечах. Студент-медик. В больнице подхалтуривал, чтобы на учёбу хватало. Прибежал Егорка, сделал сачок из марли, выловил крысищу из супа, а после утверждал, что животное являлось особой женского пола, и мужского в ней ничего не было. Хотя окружающим было наплевать, не до того было, все переполошились, закричали, мол, СЭС-СЭС-СЭС сейчас же явится, а кому-то показалось, что это СОС кричат, в общем, переполох случился большой. Воду из кастрюли вылили, разумеется, и скоренько разбежались, желая забыть про сей неприятный инцидент. Но не тут-то было!

Очередная крыса брякнулась в кладовой, где постельное бельё хранилось. Плашмя упала на стопку байковых одеял со штампами и скатилась прямо на колени старшей медсестре. Тоже вою было, не приведи боже! Третьего падения дожидаться не стали. Старшая созвала экстренное совещание. В тесную каптёрку набился обслуживающий персонал: сёстры, санитарки, повара и сторож. Впрочем, санитарка, повар и сторож присутствовали как самостоятельные единицы; из них сторож и повар были ветеранами своего дела, долгожителями и ко всему привычные, а вот санитарки числились вновь принятыми. Вообще-то они долго не держались в больнице. Только примут на работу, день-два поработают и бегут увольняться. Не выдерживали тягот профессии. Дольше всех продержался студент Егорка и то лишь потому, что слыл большим пофигистом. На момент появления крыс в больнице числились всего три санитары: студент Егорка, болтливая Валя и новенькая. Болтушка Валя уже месяц продержалась, а новенькую всего два дня, как приняли на работу. Именно она старательно делала вид, что ничего не понимает в происходящем. Егорка на совещании отсутствовал, очевидно, по уважительной причине.

– Беда у нас, господа-товарищи, крысы на нас ополчились, – сказала Зинаида Ивановна, пышная блондинка с «химией» на голове.

Собственное имя Зинаиде не нравилось, будь её воля, она бы давно переименовала себя в Инессу, но немного побаивалась главную врачиху. Не поймёт. И другие не поймут. Старшая медсестра вздыхала, морщилась, но терпела, когда к ней обращались по имени-отчеству.

– Выживают! – бросила свои пять копеек санитарка Валя, бабёнка бойкая, языком не обделённая; на троих его, по всей видимости, заготовили, а достался ей одной.

– Кого это выживают? – насторожилась Зинаида Ивановна. – Меня, что ли? Не дождётесь!

– Ну не вас, может, кого покруче, – хмыкнула трёхязычная Валя, готовясь к монологу на тему смены власти в отдельно взятой больнице, но ей не дали высказаться.

– Выживают не выживают, а если из СЭС придут – все наплачемся!

Тут повариха разрыдалась. Все хором вздохнули, выражая сочувствие: мол, крыса в пищеблоке – явление неординарное и недопустимое в системе здравоохранения.

– Никакого СЭС не будет! Не допущу! – рявкнула Зинаида Ивановна. – Где Егорка?

– А где Егорка? Не знаем, где Егорка! – шумно завозились члены чрезвычайного совещания.

– А-а, он в морге! В пятой палате женщина кони бросила, – крикнула санитарка Валя, перекрывая общий шум.

– То крысы у вас, то кони, – поморщилась Зинаида Ивановна, явно тоскуя по другой, разумной и светлой жизни. А эта, больничная, с мерзкими тварями и языкатыми санитарками, ни в какие эстетические параметры не вписывалась. А куда от неё деваться? Некуда.

– Егорку найти! И привести!

– Да здесь я, Зинаидовна, здесь! – пробасил загорелый бородач.

Всё свободное время Егорка проводил на свежем воздухе. Любил загорать, а всем любопытным доходчиво объяснял, что, мол, хобби у меня такое: люблю загорелые лица. Своё, в особенности.

– Егор, это ты травил крыс в прошлом квартале? – грозно сдвинув брови и поправив причёску, набросилась на Егорку Зинаида Ивановна.

– Ну я, а что? – санитар даже присел от страха.

Хорошо, что Валя ему стул вовремя подставила, а иначе свалился бы на пол. Егор Зинаиду Ивановну боялся. Не побаивался, а именно боялся. Никто не внушал ему такой беспричинный страх, как эта симпатичная, в общем-то, блондинка с химической завивкой.

– И чего не потравил? Вон в суп падают, твари безбожные! – старшая медсестра чуть не плакала.

Егорка даже привстал со стула, теперь ему стало жаль Зинаиду Ивановну. В сущности, все женщины беззащитные. Чуть что – сразу плакать. Как девочки малые, честное слово.

– Так крысиный яд выветрился почти. В открытых банках хранился. Крысам он вместо закуси!

– А кладовщик уволился, – напомнила Валя, собираясь спустить с языка всё, что она знала об истории увольнения кладовщика, но все попытки припомнить старое были пресечены грозным окриком Зинаиды Ивановны:

– Молчи, Валя! А ты, Егорка, иди на склад, вот тебе ключи, смешай там всё, что есть. И чтобы я о крысах больше не слышала!

– Не пойду! – насупился покладистый Егорка. – Я ничего в этом деле не понимаю! Я не химик.

– Пойдёшь! Бери ключи и вот её, Бельскую, – кивнула Зинаида Ивановна на новенькую.

– А она что, химик?

– Там не нужен химик, а Бельская в токсикологии работала. Правильно я говорю?

Бельская молча кивнула: мол, да, я работала в токсикологии.

– Идите уже, идите! – закончила экстренное совещание Зинаида Ивановна.

На складе пахло крысами и тленом. Уволенный кладовщик оставил после себя разруху и запустение. Егорка долго рассматривал надписи на запыленных бутылках, банках и склянках, при этом прерывисто вздыхал и шумно скрёб пышную бороду. Бельская молча наблюдала за манипуляциями бородача и странно передёргивалась, когда раздавался скрип кожи под пальцами Егорки.

– Вот, нашёл! – обрадовался санитар и вытащил стеклянную банку из ряда других. – Щас, мы смешаем гремучий коктейль.

Бельская смотрела, как он ловко управляет с банками: что-то сыплет, что-то размешивает.

– Помогите разложить по кулёчкам, – сказал Егорка, бросая на низенький столик в углу старые газеты.

Санитарка округлила глаза, когда увидела, как в одну из банок со смесью Егорка сыплет муку из старого мешка. Вторую банку он поставил на полку и не закрыл.

«Выветрится же», – подумала Бельская и, подойдя к столику и глядя на Егорку, стала повторять его движения.

Из одной газеты получалось два кулёчка; теперь в каждый нужно насыпать сыпучую смесь и туго упаковать. Механические движения усыпляли. Иногда Бельская вздрагивала, когда

Егорка шумно скрёб пальцами кожу под бородой. Они быстро справились, и Егорка милостиво отпустил санитарку: мол, вы тут дверь закройте, а мужскую часть работы я сам сделаю.

Кулёчки с ядом он разбросал по гипрочному покрытию на потолке и на чердаке. Затем заделал дыры в полу цементом, предварительно замешав в раствор сыпучую ядовитую смесь. Крысы исчезли. Ушли из больницы, будто их и не было. Зинаида Ивановна выписала санитарам денежную премию. Немного задумалась, когда готовила приказ о поощрении; тяжело вздыхала, долго качала головой, затем, отбросив сомнения, включила в список языкатую санитарку Валью. От греха подальше.

* * *

Она любила смотреть в чужие окна. Просто смотреть, а не подглядывать. Вот так, мельком, мимоходом, на бегу. Алина Кузина спешила на работу и искоса посматривала на чужую жизнь, удивляясь человеческим возможностям. Не вглядываясь, в спешке, на бегу глаз успевает зацепить кусочек чужой жизни, и этот кусочек остаётся в памяти надолго. Психологи и психиатры уверяют – навсегда. Алина любила смотреть в освещённые городские окна с детства, и привычка со временем укоренилась. Ей всегда казалось, что там, за окном, за стенами живут прекрасные и добрые люди; что они счастливы, у них радостная жизнь, им светло и уютно. Многие не задёргивают занавесок. Значит, людям нечего скрывать. Они живут, а ты бежишь. Если притормозишь – опоздаешь. И тогда наступит конец. Почему наступит конец – Алина не знала, но была в этом уверена. И она начала подгонять жизнь, ещё толком не научившись жить.

Сегодня Алина Кузина катастрофически опаздывала. Каблуки угрюмо, но торопливо и бестолково стучали по заледеневшему асфальту. Грязный городской снег кое-где сбил в серые комки. Это не снег и не лёд. Это нечто производное из атмосферных осадков. Таким произведением природы можно убить человека. Алина поморщилась. Оперативная работа воздействует на человека разлагающе – уничтожает его как личность. Любой увиденный предмет мозг мигом переводит в орудие смерти. Алина тихонько вздохнула, чтобы не сбиться с бега на шаг и вновь уткнулась взглядом в окно на первом этаже. И хотя она уже пробежала далеко вперёд, мозг автоматически зафиксировал увиденную картинку.

Алина так и не смогла объяснить загадку, произошедшую тем ранним утром в один из морозных дней второй декады двадцать первого тысячелетия. Окно находилось немного ниже обычного уровня, такие часто встречаются в центре Петербурга. То ли полуподвальное помещение, то ли аренда под офис. Но это окно смотрело на мир из обычной квартиры. За окном было светло. На потолке гордо сияла многорожковая люстра, не из дешёвых. На столе стоял белый фарфоровый самовар, бокастый, блестящий и пышащий паром. Его окружали пузатые чашки с синими цветочками. За столом сидел мужчина спиной к окну – напротив него женщина, слегка оплывшая, но миловидная, явно старше мужчины лет на десять. Алина запомнила взгляд женщины, случайно попавшийся в глаза: он походил на тот комок снега – застывший и обледенелый.

Это длилось сотые доли секунды, не больше, но Алина содрогнулась от жути, которой был наполнен незнакомый женский взгляд. Что-то мрачное почудилось в нём, что-то постыдное – то, что люди обязаны скрывать от других, тщательно маскируясь и следя за мимикой и выражением лица. А этот взгляд шёл из глубины, не рассчитывая наткнуться на любопытного свидетеля. Алина споткнулась на бегу, но устояла на ногах, не упала. Вся картинка промелькнула перед глазами мгновенно, но ещё долго усваивалась мозгом, словно Алина стояла перед окном и пристально всматривалась в незнакомых людей, сидящих за столом у кипящего фарфорового самовара.

Девушка остановилась, вдохнула морозный воздух и шумно выдохнула. Помотала головой и звонко рассмеялась. Это издержки хронического недосыпания. Ещё одна бессонная ночь

– и не такое примерещится. За окном сидели влюблённые и не очень молодые люди. Им было хорошо. Если забыть тот невообразимый женский взгляд, то люди за окном выглядели счастливыми, а счастье не любит, когда за ним подглядывают. Некрасиво получилось. Алина улыбнулась, провела указательным пальцем по кончику носа, чихнула и устремилась вперёд, забыв о случайной сценке из жизни на бегу. Впрочем, изредка она вспоминала тот на мгновение расцарапавший душу взгляд из окна. Это был взгляд жизни. Её изнанки. Случается и такое, подумала Алина и упрятала чужой взгляд на дно души, глубоко-глубоко, чтобы не всколыхнуть его случайным воспоминанием. Больше она в чужие окна не заглядывала. Даже мельком. Даже на бегу. За ярко освещённым окном живёт тайна. А её нельзя беспокоить по пустякам.

* * *

За столом сидели двое. Мужчина и женщина. Оба молчали. То ли говорить было не о чем, то ли устали от разговоров. В центре стола пытел фарфоровый самовар, весь усыпанный синими цветочками. Его окружали пузатые чашки, демонстрируя своим видом целостную семейственность: мол, происходим от одного корня. Мужчина вертел блюдечком по столу, изредка подталкивая его чайной ложечкой.

– Скучаешь по дому? – спросила женщина.

Мужчина вздрогнул, но ничего не ответил. Женщина кокетливо поправила химическую завивку на голове. Она явно хотела понравиться мужчине. Белокожая, с выщипанными в ниточку угольными бровями, яркими румянами на скулах. Узкое когда-то лицо слегка расплылось с возрастом. Никогда эта женщина не была красивой, с рождения была серой и невыразительной и, зная об этом, старалась, очень старалась понравиться хоть кому-нибудь.

– Скучаешь! – она утвердительно стукнула мизинцем по блюдцу.

– Нинель Петровна, я только что из отпуска, – примирительно заметил мужчина, – что скучать-то? Не успел ещё...

– Ничего, на работу пойдешь, не до скуки будет. Когда выходишь, Денис?

Нинель Петровна нагнулась и достала из тумбочки банку варенья. В прозрачном желе в странных позах застыли жёлтые плоды. Банка сверкнула балтийским янтарём, и Денис улыбнулся.

– Завтра начнутся трудовые будни. Абрикосовое?

– Да. Твоё любимое. Вчера сварила.

Нинель Петровна выложила варенье в заранее приготовленные розетки. Денис едко скривился, заметив свежий маникюр на сухих вытянутых пальцах пожилой женщины. Длинные акриловые наросты были усеяны синими цветочками, словно слетели на женские ногти с чашек и самовара. Нинель Петровна, заметив усмешку, недовольно поджала губы:

– Рассчитаешься за месяц вперёд?

– Да, деньги в конверте. Как договаривались. Я вас никогда не обманывал.

Тонко звенели чашки, пузырился паром самовар, абрикосовое варенье источало нежный аромат. Идиллическую картину нарушило шуршание денег. Нинель Петровна трижды пересчитала купюры. Сумма явно не сходилась.

– Здесь только двадцать пять! – нарисованные брови свелись в сплошную нитку.

– Да. Мы же договорились на двадцать пять за месяц. Дороговато, Нинель Петровна, я ведь только комнату у вас снимаю. Народ за квартиру платит по двадцатке. В стране кризис!

– Добавь, Денис! Добавь. Да. Комната. Не квартира. Зато в центре. Рядом с твоей работой. Вышел, три минуты прошёл – и ты уже на работе. А за двадцатку – три часа пилить с пересадками. Никаких денег не захочешь. Давай ещё пять тысяч! А то обижусь.

– А как вы обидитесь, Нинель Петровна, расскажите, – натянуто пошутил Денис.

– Лучше тебе этого не знать. Тебе сорок уже, а ума, как у двадцатилетнего. Наивняк ты, наивняк! – рассерженно выкрикнула Нинель Петровна и вскочила со стула, отвернувшись от гостя, нарочито загрохотала посудой в раковине.

Денис задумчиво рассматривал банку с вареньем. Янтарный цвет завораживал. Странные конфигурации из прозрачно-жёлтых плодов имитировали художественную абстракцию. Уже поздно. Ехать никуда не хотелось. Да и не к кому. В мини-отелях дороговато. В квартире было тепло и уютно. Привычно. Полгода здесь прожил. Нинель Петровна со странностями, но аккуратная хозяйка. В квартире ни пылинки, ни соринки. Везде чисто, словно только что сделали генеральную уборку. Вряд ли в центре Петербурга можно снять жильё дешевле.

Денис Снегирёв больше года сидел без работы в своём Северодвинске. Жена работала в налоговой инспекции, и хоть зарплату там сократили, они как-то справлялись, но вскоре стало совсем туго. Денис не хотел менять профессию. Фирма закрылась, дизайнеров в городе много, а наниматься в грузчики жена не позволила. Она и предложила Денису ехать на заработки в Петербург.

– Там дизайнеры деньги лопатой гребут! Город большой, бизнесов много – только успевай рекламировать свои способности. Тебя сразу заметят и оценят. Поезжай, Денис!

– А вы? Как вы тут без меня?

– Ничего, проживём! Как-нибудь. Скоро праздники. Вот и приедешь. Не успеем соскучиться.

Денис посмотрел на детей. Сынишка трёх лет и пятилетняя дочь играли в солдатиков. Они не шумели, не кричали, лишь молча и напряжённо передвигали пластмассовые фигурки по ковру, и когда солдатики сталкивались, спешно уводили их на запасные позиции.

«И война у них какая-то безмолвная, не опасная», – подумал Денис.

У него заныло сердце, но он отбросил мрачные мысли. Вскоре на его резюме пришёл ответ из Петербурга. Предложили хороший оклад и премиальные. Много бонусов. Социальный пакет. Жена обрадовалась:

– Я же говорила! Говорила.

Она разволновалась, захрустев суставами пальцев, оглянулась в поисках стула. Не нашла, осталась стоять на ногах. Жена очень волновалась. Однажды Денис неловко пошутил, назвав её енотом. И после часто приговаривал: мол, ты мой «енот-полоскун», когда видел, что жена совсем измучилась от домашней работы. Она постоянно что-то стирала, мыла, протирала и пылесосила. Денис не сразу заметил, что жене не нравятся его шутки. Она перестала суетиться при нём – убирала квартиру, когда его не было дома. Он тоже перестал шутить. Дети почувствовали родительское отчуждение, и в доме исчез детский смех. Так и жили. Молча и напряжённо.

Денис всё крутил блюдце, не замечая, что за ним искоса наблюдает Нинель Петровна. Она протянула руку и остановила движение блюдца.

– Не жадничай! Чем больше тратишь, тем больше придёт, – произнесла хозяйка, и Денис с ужасом почувствовал в её голосе странную трепетность.

Сердце заныло, он с трудом отбросил мысли о доме, о жене и детях и натянул на лицо улыбочивую маску. Так надевают одежду, спеша на работу после бессонной и нервной ночи.

– Я не жадный, Нинель Петровна, но платить тридцатник за комнату не хочу. Дорого. Позвольте мне переночевать, а завтра я подыщу что-нибудь более приемлемое.

– У тебя ведь астма? Или диабет? Тебе чистота нужна, порядок, – женская рука повисла в воздухе.

Денис успел разглядеть синие вены, прожилки и возрастные крапинки на синюшной тонкой коже. Вдруг рука пришла в движение и ткнулась ему в предплечье, затем перебралась на запястье. Денис с тоской наблюдал за хитрыми манипуляциями, одновременно додумывая неприятную мысль, пришедшую только что. Нинель Петровна когда-то была стройной блон-

динкой, невыразительной и сухопарой, но с возрастом погрузнела, оплыла, впрочем, сохранив миловидность. Она моложава, аккуратна, но болезненная грузность придаёт ей чудовищный вид. Хозяйка похожа на кошмарный сон. На привидение, живущее на кладбище. И ей невдомёк, что она давно перестала быть женщиной. Нинель Петровна этого не понимает. Она продолжает жить в мире грёз. Денис осторожно убрал руку, словно вытаскивал из принтера застрявший лист бумаги. Лицо исказила брезгливая гримаса. Стараясь скрыть неловкость, взялся за варенье: съел одну ложку, другую. И всё смотрел на хозяйку. Женщина съёжилась, точно став меньше ростом, побледнела и вдруг начала хватать ртом воздух.

– Вам плохо, Нинель Петровна? – всполошился Денис, вскочив из-за стола.

И тут же плюхнулся обратно. Его поразила метаморфоза, произошедшая с хозяйкой. Она больше не задыхалась. Нинель Петровна улыбалась. И это было жутко. Лучше бы заплакала.

– Ну что ж, уговаривать не стану, насильно мил не будешь. Чаю хочешь?

– Да, чашечку выпил бы, – покорно кивнул Денис.

Нинель Петровна уселась напротив и подставила чашку под краник. Громко зажурчала вода, зашипел пар из-под конфорки, потянуло абрикосовым ароматом. Денис успокоился, смахнул с себя чёрные мысли, как смахивают муху или комара, прилепившихся внезапно и с налёту. Люди разные. В душу не заглянешь. Съел ещё немного варенья. Вкусное. Нинель Петровна хорошая хозяйка. Этим и успокоился. Денис долго размешивал сахар, вспоминая наказания жены: сахар не ешь, соли поменьше, питайся регулярно и правильно. Здоровый желудок – это наше будущее. И мотала головой в сторону детей, дескать, куда же мы без тебя?

Нинель Петровна опередила его и бухнула в чашку два куса коричневого сахара. Придётся отравиться сладким ядом. Денису стало легче от шутки, мысленно попросив прощения у жены, он сделал глоток обжигающего чая. Бодрящий напиток весело пробежался по пищеводу и стремительно заскользил дальше. Денис подумал было, что можно и пожертвовать лишней пятёрочкой – комфортная жизнь того стоит; но додумать не успел. В голове что-то ухнуло, словно внутри разорвалась бомба. Свет померк. Уши оглохли. Впрочем, в потёмках утасоющего сознания успела прибежать игривая мыслишка, что, вполне возможно, это всего лишь очередной городской блэкаут, но она мигом погасла, и последнее, что услышал Денис, был звон разбитого фарфора. Чашка выпала из его руки и разлетелась вдребезги.

* * *

С ночи ударил сильный мороз. Поначалу горожане обрадовались неожиданным холодам, после утомительной и безысходной слякоти было непривычно празднично. Белый иней на асфальте, лёгкий парящий туман и морозная дымка, окутавшая город, словно погрузили его в волшебный сон. Мужчина в чёрной куртке и чёрной вязаной шапочке стоял, переминаясь, у подъезда и с тоской смотрел на девушку, громко и со стонами выворачивающую нутро на подмёрзший газон. Её рвало давно, минут двадцать, и столько же времени мужчина, стоявший неподалёку, наблюдал за ней, изредка вздыхая и подпрыгивая от холода. К нему подошёл ещё один, тоже в вязаной шапочке и чёрной куртке, но постарше и поплотнее.

– Что это с ней, Димон? – спросил подошедший.

– Полощет её, давно уже!

– С чего бы это? Может, у неё токсикоз?

Наблюдатель дёрнулся, помотал головой, затем произнёс с усмешкой:

– Да нет, Константин Петрович, Алина у нас девушка непорочная. Это её от трупешника так выворачивает. Она же сутки дежурила. Первой выехала на место происшествия. А меня дежурный подослал на подмогу.

– Нежный опер пошёл, прям, как девка красная! – нескладно пошутил Константин Петрович.

– Наберут же в уголовный розыск! – вырвалось у Димона, – Константин Петрович, пусть она домой идёт, а? Всё равно толку от неё никакого!

– Да, Дима, иди на место происшествия, а я с ней разберусь.

Они разошлись: первый вошёл в подъезд, второй подошёл к девушке. Алина подняла красное лицо, наткнулась взглядом на Константина Петровича, охнула и из неё фонтаном вылетела струя едко пахнувшей жидкости.

– Кузина, ты это, шла бы домой, что ли? – сказал, брезгливо поморщившись, Константин Петрович.

– Иэ-э-эх-х! – прошипела Алина Кузина и вытерла склизкий рот салфеткой.

– Вот тебе и «эх-х!» – передразнил Константин Петрович. – Это уголовный розыск! А не Версаче какое-нибудь.

– Какой!

– Что?

– Какой-нибудь Версаче. Это он, а не оно, – вежливо пояснила Алина.

Рвота неожиданно прекратилась: видимо, при появлении начальства весь нервный срыв сошёл на нет. Алина хлопнула носом и, глянув на противную лужицу под ногами, пошла вперёд, пытаясь забыть про свой позор.

– Иди домой, Кузина, это приказ!

Константин Петрович повернулся и зашагал к дому. Алина засеменила следом:

– Константин Петрович, я вам всё объясню!

– Что ты можешь объяснить?

Он даже не повернулся к ней: всё шёл и шёл, разрываясь в клочья от злости.

– Я не от страха. Я от непонимания.

– Что-о-о?!

Константин Петрович резко сбавил шаг и всем телом развернулся на полный оборот.

– Понимаете, когда я увидела, что тело лежит в сумке, частями, а головы у него нет, я ничего не поняла. Мужчина это, или женщина – сразу не поняла. А когда я что-то не понимаю, меня всегда тошнит. Вот!

– Ты эти сказки аттестационной комиссии рассказывай! Меня ты ничем не удивишь!

Константин Петрович сплюнул и побежал к дому. Оттуда уже вынесли носилки с какой-то кладью, накрытой простыней. Алина постояла, подумала и, резко развернувшись, бодро зашагала к остановке. День не задался. Недаром гороскоп обещал неурядицы. Они не заставили себя ждать.

* * *

Она родилась красивой. Медперсонал роддома, взглянув на новорожденную, хором ахнул: «Ангел-ангел, ой, какой ангел!». Все замерли, стараясь понять, отчего именно этот младенец выглядит не так, как другие, только что покинувшие материнское чрево.

– Фактурная девка! – изрекла доктор, стараясь быть объективной к исходу дежурства.

Да какая уж тут объективность? Мамаша страшненькая. Вон лежит и морщится от наслаждения: мол, отмучилась, конец настал утомительной беременности. Мало того что страшненькая, так ещё и к дочке проявляет равнодушие. Не смотрит на ребёнка, глаза прячет, себя оглаживает. Эгоистка. Доктор посуровела. Горе с такими мамашами. Ребёнок матери не в радость – что может быть хуже этого?

Так оно и оказалось. Мать долго не могла привыкнуть к родному дитя, да ещё такому симпатичному, почти ангелочку. Кормила недолго, уже на другой день отвадила от груди. Девочка не роптала, покорно перешла на искусственное вскармливание. Тихий ребёночек, не склочный, не плаксивый. Только тихо-тихо поскулит – и снова заснёт. Нерадивой мамаше на радость.

Другие мамочки ночей не спят, днями изводятся, а этой прямо санаторий. «Хоть отдохну тут у вас», – приговаривала она, поднимая ноги перед шваброй злобредной санитарки. Та норовила тюкнуть роженицу будто бы нечаянно, но побаивалась заведующую отделением – начальница прославилась крутым нравом. Могла и по матушке отчитать при всех. За больничной суетой быстро пробежали положенные деньки. Вскоре мамашу с младенцем приготовили к выписке.

– А кто встречать будет? – спросила заведующей, сжимая от усталости губы.

Все думали, что она презирает людей, в глаза им не смотрит, с вечно перекошенным лицом, а доктор еле стояла на ногах. Дежурства изматывали, современные роженицы капризные пошли, чуть что – судом пугают, адвокатам звонят. Постоянно быть начеку трудно, силы даром расходуются.

«В возрасте женщина, сороковник стукнул, видимо, случайно залетела», – подумала доктор и отвела взгляд. Слишком некрасивой была новоявленная мамаша.

– Деньги есть? – деловито бросила доктор, судорожно соображая, как благополучно и без эксцессов спроводить роженицу.

– Есть-есть, – испуганно закивала женщина. – Такси вызову.

Доктор вздохнула и отдала распоряжения: мамаше помочь собраться, вызвать такси, проводить до машины. Так они и ушли из роддома: испуганная мамочка с тихим свёртком в руках. Пакеты с тапочками и ночнушкой несла санитарка. Уселись на заднем сиденье, пакеты пристроили в ногах. Через пять минут о ребёнке-ангеле в роддоме забыли. Начались новые заботы. Кто ж запомнит их всех? Появились новые роженицы – капризные, болезненные, плаксивые. Здоровые тоже были, но их не замечали, они сами справятся.

Дома девочка всё спала, ничем не напоминая о себе. Редко плакала, по ночам не тревожила. Иногда Елена забывала о своей дочери, потом спохватывалась: кормила, пеленала, меняла подгузники. Её не удивляла редкая красота ребёнка, уже немолодая мать об этом не думала.

Забеременела Елена случайно. После корпоративного праздника, посвящённого международной солидарности трудящихся, было весело и сумбурно. Молодёжь всю веселилась, попивая коктейли и глинтвейн. Танцевали, слушали музыку, катались на лошадках. Елена Валентиновна сидела в сторонке, совершенно отчуждённая от всеобщего веселья. К выпивке всегда была равнодушна, музыку не слышала, думала о своём. Мечтала уехать куда-нибудь подальше, от всего, от суеты, от конторских склок и сплетен. Надоело это всё, хотелось безумной и красивой жизни. Мечтать мечтала, но понимала, что уехать не удастся: денег на жизнь не хватает, какие уж тут курорты, но перед глазами разливалось лазоревое море, скрипел под босыми ногами белый песочек, а невдалеке ждал удобный шезлонг. Больше всего Елену Валентиновну в мечтах привлекал именно шезлонг, удобный, яркой расцветки. Полежать бы на таком хоть разочек. Она закрывала глаза и вздыхала. Разумеется, она уже выезжала на море, и не однажды, но разве можно назвать морем заплёванный пляж, загаженный гниющими фруктами и усыпанный окурками. Елена Валентиновна брезгливо повела плечами. И в этот момент почувствовала на себе сильную руку. Кто-то приобнял её, она даже не поняла кто – уже смеркалось.

– Что грустили, Елена Валентиновна?

– Нет-нет, мне очень весело! – испугалась она, с ужасом осозная, что на неё обратил внимание сам главный инженер.

Мужчина неказистый, в возрасте, но жеманный и ухоженный, любитель дамского пола, преимущественно, юного. Елена Валентиновна не считала себя дурнушкой, но на внимание главного инженера не рассчитывала. Она знала свои слабые места. Не молода, не обаятельна, скучна. Серая мышь. Конторская крыса. Ей бы кого-нибудь попроще и побойчее, но таких она не встречала, чтобы и простой, и бойкий, и денежный. Ей попадались какие-то нелепые:

то пьющие, то гулящие, то женатые. И все до единого – безденежные. Главный инженер тоже женат. Любит налево сходить, да кто из мужчин не любит?

– Хотите, я вас отвезу? – он огляделся. Молодёжь распалилась и вывалилась из-под тента прямо под майский дождь, устроив танцпол на мокрой траве.

– Подожду до автобуса. Ничего, я не устала, – ещё больше испугалась Елена Валентиновна.

Как бы не обиделся главный инженер. Потом проверками замучает. Он злопамятный, как все неказистые мужчины.

– Поедьте, Елена Валентиновна, дождь идёт, промокнете, простудитесь!

От настойчивого бубнящего голоса заныли виски. И сразу стало сыро, неуютно, промозгло. Кузина неохотно приподнялась, и главный инженер подхватил её под руку:

– Вот и славненько! Вот и добренько!

От этих его «славненько» и «добренько» захотелось взвыть и упиться глинтвейном до беспамятства, но время было упущено. Елена Валентиновна шла по тропинке, увлекаемая жилистой сильной рукой главного инженера. Она ничего не чувствовала, даже сырость отступила, и лишь страх разъедал её внутренности. Она жутко боялась этого человека. Через много лет сама себе она не смогла объяснить, почему тогда испугалась. Словно маньяк на неё напал. А это и не маньяк был – всего лишь главный инженер небольшого промышленного предприятия.

Умирая от страха, Елена Владимировна села в машину, а когда понеслись по мокрому шоссе, окончательно оглохла и ослепла, настолько сильным был страх перед этим человеком. Так они очутились у неё дома. Затем он ушёл, оставив после себя устойчивый запах мужского одеколона. Пронзительный аромат держался две недели, затем исчез. А вот страх остался. От страха Елена Валентиновна быстренько уволилась с прежнего места работы и нашла себе тихую должность в бухгалтерии коммерческой компании.

Финансовый отдел располагался в трёх офисах, а она довольствовалась небольшим закутком возле подсобки и занималась теми расчётами, которыми никто не хотел заниматься. Её всё устраивало: оклад, месторасположение компании – рядом с домом; закуток, небольшая столовая по месту работы. Удобно, недорого – не шик, конечно, зато никому ничего не должна. А через какое-то время Елена Валентиновну стало тошнить, она начала раздражаться от всего: от комфорта, от столовой, от закутка. Но самое страшное, что её тошнило от работы. Как увидит кипу папок на столе – и сразу дурно становится.

На новой работе Елену Валентиновну невзлюбили. Сотрудницы кривились, поджимали губы, сводили брови на переносице, а она всё терпела, пока тошнота не стала переливаться через край. Кузина поминутно бегала в туалет, долго плескалась над раковиной, надеясь, что тошнота как пришла, так и уйдёт, если на ней не заикливаться. Всячески старалась не концентрировать внимание на недомогании, но вскоре поняла, что здоровье прохудилось, и придётся изворачиваться, чтобы отпроситься в поликлинику. Добром непустят. Скажут, бери дни за свой счёт. На новой работе практически никто не болел. Все выглядели бодрями и бодрями. Кузина повздыхала и взяла неделю отпуска без содержания. После походов по многочисленным врачам, после сдачи нужных и ненужных анализов Кузина узнала, что крепко и давно беременна. Насколько крепко и насколько давно, что аборт уже не отделаться. Придётся рожать! Так ей сказал мужчина-доктор в районной поликлинике.

– Да-да, рожать! Иначе – смерть, – буднично бросил он, выписывая многочисленные бумажки.

Елена Валентиновна пыталась заглянуть ему в глаза, но они погрузились в изучение странных бумажек и ничего не видели.

«У него фокус сбился», – подумала Кузина, – надо поправить!»

– А вы не ошиблись? – спросила она, надеясь вернуть то блаженное время, когда ещё не было в ней никакой беременности.

– Нет, ошибки быть не может. Придётся рожать!

– А почему именно сейчас?

Вопрос прозвучал странно, но многозначительно. Доктор, мужчина за пятьдесят, с круглым добрым лицом и усталыми глазами даже бумаги отодвинул, настолько удивился.

– Что – именно сейчас?

– Ну, это... почему раньше не залетала? – смущенно пробормотала Елена Валентиновна.

– А-а, значит, время пришло рожать, – раздражённо махнул рукой доктор и снова уткнулся в писанину. – Знаете, иногда с женщинами такое случается.

Он почти выпихнул её из кабинета, загрузив кипой исписанных бумажек. Елена Валентиновна покорно отправилась по указанному адресу. Теперь её жизнь переместилась в женскую консультацию. Была в её характере какая-то тупая покорность. Что скажут, то и сделает. Сказали, пришло время рожать, значит, надо родить. А зачем, для чего, осознать не успела.

Так ничего и не поняла Елена Валентиновна в жизни. Она и не задумывалась ни о чём. А вышло, что родила дочь-красавицу. И этот факт не сумела оценить. Во-первых, главный инженер был страшнее крокодила из зоопарка. Жеманный, да, ухоженный, да, но весь сморщенный, желчный, неприятный. Его от злобы сморщило. Сплющило в ноль. Взглянув на него, можно было закрыть глаза и ждать, когда страшное видение само распадётся на атомы. Где, когда, в каком колене промелькнули красивые гены и у кого: у Елены Валентиновны или у главного инженера? Никто об этом не знает и ничего уже не расскажет. Она вычеркнула его из своей памяти. Всё забыла. Только запах одеколона помнила. Едкий такой, пронзительный. Елена Валентиновна старалась не вспоминать тот злополучный вечер, а когда на неё накатывало, вздрагивала, явственно ощущая тошнотворный запах – тот самый, от которого её опутало страхом, как паутиной; да так, что сознание отшибло.

Время шло. Девочка росла. Редкая красота дочери пугала неразумную мать. Она разглядывала спящую девочку и удивлялась, как такая красавица будет жить на белом свете? Потом удивляться перестала. Привыкла. К тому же выяснилось, что красота дочери имеет недостаток – всего один, но существенный. Девочка по имени Алина оказалась неуклюжей. Она постоянно падала, подворачивала ножки, ручки, клонила набок головку. Кому только не показывала Елена Валентиновна ребёнка: и докторам, и знахаркам, и экстрасенсам – все только руками разводили. Впрочем, они что-то бормотали про нарушение координации, пульсацию, вибрацию и другую невразумительную муть.

Алина часто падала, но ничего не ломала. Елена Валентиновна однажды имела счастье наблюдать, как происходит процесс падения от начала до конца: вот мелькнули ноги, взметнулись руки, голова уже внизу, но в последний момент Алина сконцентрировалась, сжалась – и поднялась на ноги целёхонькой. После падения дочь немножко дрожала, видимо, разволновалась, но потом успокоилась. И так до следующего неловкого движения.

Елена Валентиновна боролась с болезнью дочери. И руки ей привязывала, чтобы не растопыривались, и ноги учила ставить, и в танцевальную студию водила три года, чтобы выровнять координацию. Всё насмарку. Оттанцует Алина положенное, выйдет на улицу и тут же шмякнется во весь рост. Люди смеются, мать в слезах, а девчонка вскочит, глянет на всех обиженно и потопает дальше, как ни в чём не бывало. Но обиды не копила – прощала. Отходячивая. Елена Валентиновна считала себя героиней. С такой дочерью можно с ума сойти.

В конце концов мать сдалась. Что есть, то и пусть растёт. Что-нибудь да вырастет. И выросло. Неловкий младенец превратился в длинноногую модель. Это же какой подвиг надо было совершить, чтобы вырастить из угловатого ребёнка модель экстра-класса! Получилась девушка всем на загляденье. Хотя на подиум выставляй. Однако у Алины были другие планы.

После школы, не посоветовавшись с матерью, она сдала документы в университет – на юридический факультет. Откуда у неё эта блажь завелась, не объяснила. Сериалы про ментов Алина не смотрела: времени не хватало, нагрузки у неё будь здоров – больше, чем у взрослых.

Елена Валентиновна пережила и эту напасть. Благо, дочь поступила на бюджетный факультет, бесплатный. Хорошо, что деньги на учёбу не попросила. Пусть учится. Адвокаты нынче в большой моде. Их и по телевизору показывают, и деньги они хорошие получают. Елена Валентиновна ждала окончания учёбы, чтобы насладиться хорошей жизнью. Дочь научится прилично зарабатывать, в доме наступит благоденствие, а то ведь надоело копейки считать, но ожидания оказались напрасными. Снова вышла промашка: после окончания университета Алина пошла работать в полицию. Да не куда-нибудь в канцелярию или в следствие, а напрямую в уголовный розыск. Шагнула, как в пропасть. И нет оттуда выхода – сплошное дно.

Елена Валентиновна перепугалась, три дня лежала с мнимой мигренью, надеясь, что дочь сжалится и одумается. Ведь есть у неё сердце, не каменное же оно? Но не тут-то было: дочь оказалась упрямой – видимо, уродилась в отца. Вот где сказались гены главного инженера. Мать привычно списывала всё плохое в дочери на генетическую предрасположенность с отцовской стороны, а положительные качества Алины, разумеется, по достоинству принадлежали клану Кузиных. Елена Валентиновна, кряхтя, поднялась с постели. Мигрень осталась незамеченной. Надо было жить дальше.

* * *

– И куда мы собрались? Уже полночь. Нормальные люди давно спят. Ты кашляешь, задыхаешься, вчера температурила. И почему ноги голые? Зачем ты эти... – Елена Валентиновна задумалась, подбирая слово, – туфли купила? Всю зарплату потратила. На что мы жить будем? У меня пенсии кот наплакал.

Алина молча копалась в сумочке, не вслушиваясь в гневный монолог матери. Всё равно она не смогла бы ответить ни на один вопрос. К тому же их у мамы накопилось великое множество.

«Нет, это не сумка. Это же мусорный бачок! Кто бы навёл порядок в этом скопище дамских радостей? Чего только здесь нет: косметичка, телефоны, ноутбук, запасные колготки, гольфы, салфетки, кремы, даже зубная щётка завалилась», – молча злилась Алина.

Она искала записную книжку, но та куда-то завалилась.

– Ты бы послушала, что мать тебе говорит! – надрывалась Елена Валентиновна. – Куда ты собралась, на ночь глядя? Опять на дежурство?

– Нет, – рассеянно откликнулась Алина, – я пойду искать себя.

– Что-о-о-о? – разнервничалась Елена Валентиновна и рухнула в кресло.

– Пуня, не нервничай, успокойся, чайку попей!

Ласковое имя «Пуня» Алина использовала, когда пребывала в хорошем настроении, а в плохом напрочь игнорировала Елену Валентиновну, делая вид, что ничего не слышит и не видит. Алина умела отрешаться от действительности и настолько искусно овладела этим свойством, что если ей этого хотелось, она и впрямь ничего не видела и не слышала. Такой уродилась.

– И не кричи, пожалуйста, ты же знаешь, что я не люблю, когда ты кричишь, – поморщилась Алина, – да, я пойду искать себя. Я потерялась. Меня нигде нет. Ни внутри, ни снаружи.

– Как это? – прошептала Елена Валентиновна, округляя глаза до размера пуговиц на костюме клоуна.

На стене над диваном висела картина с его изображением. Пуговицы поражали воображение алым цветом и крупногабаритными размерами. Казалось, они главные на картине. Елена Валентиновна частенько думала, что из-за нескладной дочери клоунские пуговицы со стены стали её вторыми глазами.

– Так это, – нарочито спокойным голосом разъясняла Алина. – Нет меня и всё. Нигде нет. Мне нужно найти себя. Пойду искать. Кто не спрятался, я не виновата.

– Ты больная! Да, ты больная! – прошептала Елена Валентиновна, с ужасом вглядываясь в лицо дочери. – Давай, я тебе пиявочку поставлю, а?

И она схватилась за банку с пиявками.

– Мама! Убери эту гадость! Немедленно! Видеть их не могу.

Алина чуть не задохнулась от гнева, увидев в руках матери стеклянную трехлитровую банку с вьющимися существами.

– Очень милые пиявочки! Они бы тебе помогли найти себя, – по-голубиному заворковала Елена Валентиновна, зная горячий нрав своей дочери. Когда Алина идёт напролом, стоит уступить, иначе грядёт война Алой и Белой Роз. А это надолго.

– Убери, пожалуйста! Я же ничего не имею против твоих пиявок. Нравятся они тебе – пользуйся на здоровье, а мне не предлагай. Лучше поищи мою записную книжку. Куда-то запропастилась.

– В кухне, на столе, – поджала губы Елена Валентиновна.

Она видела ситуацию по-своему: если забаррикадировать дверь, дочь всё равно уйдёт. Через окно. Её не переубедить. Пойдёт искать себе на одно место приключений, а после прибежит к матери за сочувствием. Видимо, характером в отца пошла. Такая же твердолюбая.

– Кто тут твердолюбая? – удивилась Алина.

Елена Валентиновна вздрогнула. Оказывается, последнюю фразу она произнесла вслух. С плохой дочерью и не до того дойдёшь – на улице заговариваться станешь. Скоро люди вокруг шарахаться начнут.

– Иди-иди уже, – махнула рукой Елена Валентиновна, и вид при этом у неё был обречённый, словно она разговаривала с сумасшедшей, – возьми бутерброды в холодильнике.

– А бутерброды откуда? Так ты знала, что мне на дежурство? – засмеялась Алина.

– С тех пор как ты пошла работать в уголовный розыск, я постоянно держу наготове «тревожный» пакет с едой.

– Как это – тревожный пакет? – удивилась Алина.

– На случай боевой тревоги. Что у тебя за жизнь теперь? Потеряла себя, потом нашла, снова потеряла – в общем, постоянная тревога, а про полноценное питание забываешь. А желудок у тебя один. Второго не будет.

– Ладно, мам, – Алина чмокнула маму в щёку. – Ворчишь-ворчишь, но про главное помнишь...

– Па-а-атерял себя, ты па-а-атерял! – истошным голосом заорала Алина и выскочила за дверь.

– Ненормальная! Ноги-то голые. И туфли инвалидные. Смотри, простудишься! – послышалось вслед, но Алина любовно посмотрела на новые ботильоны.

Не по погоде обувь – мама права, как всегда; но слишком уж они красивые. Глаз не оторвать. Алина представила, как будет глазеть на её стройные ноги Дима Воронцов, и покраснела. Ради восхищённого взгляда влюблённого мужчины стоило помучиться. И Алина поковыляла на остановку.

* * *

Алина приблизила палец к звонку, но не нажала. Она знала, что Димины родители уехали на дачу. Воронцов ждёт её, волнуется. Времени мало. Суeta дней пожирает все желания. Наконец всё срослось, совпали время и обстоятельства, появилась возможность встретиться. У них был уговор. В отделе ничего не должны знать, что происходит с ними за пределами службы. Пока всё удавалось. Никто не догадывался, что между Алиной и Димой существует внеслужебная связь. В прошлом веке её называли греховной.

Алина помахала рукой, пошевелила пальцами и, набравшись решимости, нажала на кнопку. Раздался оглушительный звон. Димины родители были инвалидами, оба плохо слышали, поэтому всё в квартире было шумным и оглушительным. Чайник со свистком ревел, как раненый бык, настройки в телевизоре увеличены до максимума, унитаз сливал воду с грохотом Ниагарского водопада. Квартира так себе. Алина усмехнулась. Димины родители представляли собой двух унылых неудачников. Впрочем, мама Алины недалеко от них ушла. Со слухом всё в порядке, а в остальном она ничем не отличается от четы Воронцовых. Такая же неудачница. Они с Димой – дети неудачников. Вполне возможно, им удастся создать счастливую пару. Не благодаря, а вопреки. По теории вероятности так и должно быть.

– Линок! – Дверь распахнулась, и радостный Воронцов крепко прижал Алину к себе. – Заждался! Ты слишком долго шла.

– Пешком шла. Да, пешком, – пробурчала Алина, снимая куртку. – Чаю налей, пожалуйста.

– Да какой там чай! – воскликнул Дима и увлёк девушку в свою комнату.

На первую зарплату Дима поменял себе кровать. Раньше он спал на подростковой тахте. Она стояла в углу, неказистая и кособокая. Спать на ней было неудобно. Да что там говорить, спать на этой скрипучей тахте было противно. Зато теперь огромное, двуспальное ложе заняло всё обозримое пространство комнаты. Высокий подъём, тугие подушки и шикарное одеяло добавляли живописной картине особый колорит. Алине нравилась кровать, но она представляла её в другом помещении, а не в этой комнате с низкими потолками и скудной мебелью в придачу.

Сначала было шумно, бурно, затем всё стихло. Они долго лежали, крепко обнявшись, и о чём-то бормотали, перебивая друг друга.

– Димыч, а ты не боишься Батанова? – Алина с трудом высвободилась из его объятий и откинула голову на подушку.

– Нет, а чего мне бояться Батанова? – удивился Дима. – Он нормальный мужик. Не гнида.

– Не что... не кто он? – приподнялась на подушке Алина.

Она оперлась на локоть, подсунув смятую подушку под шею, и с удивлением воззрилась на Воронцова.

– Не гнида. Не гнусь. Нормальный мужик!

– Как всё легко у тебя, – она помотала головой, раскидывая волосы по подушке. Алина знала, что они у неё красивые. Не однажды замечала, как мужчины оборачиваются ей вслед, чтобы полюбоваться удивительными волосами. – Не гнида, не гнусь – значит, нормальный. А мне кажется, он садист и изувер!

– Да ты что! Вот дурочка, да Батаныч мухи не обидит. Он у жены под каблуком. А дочка из него верёвки вьёт. Он мягкий и податливый, как пластилин, и совсем не гнусь. Батаныч – настоящий! Все остальные мелочь по сравнению с ним.

– Димыч, а ты не гнусь? А ты – не гнида? – Алина шлёпнулась на Воронцова, словно с потолка обрушилась.

Воронцов зажмурился от удовольствия, с ног до головы его прошибло горячей волной. Тело у Алины хрупкое и лёгкое. Вес маленький. Она как бабочка, мягкая и твёрдая одновременно. Стало щёкотно. Воронцов вывернулся и поцеловал Алину. Когда они оторвались друг от друга, сказал, прерывисто дыша:

– Я хороший! Ты люби меня, пожалуйста! Иногда я отбываю из реальности, но быстро возвращаюсь. Если заметишь моё отсутствие – не обижайся. Я быстро вернусь!

– Да, Димыч, ты бываешь странным, – упрекнула Алина, водя пальцем по его животу. – Какой у тебя красивый живот, и не подумаешь, что мужской. Тугой, узкий, втянутый, как у осы.

– Ты тоже красавица, не расстраивайся, и ты тоже странная. Я иногда бываю странным, а ты всегда в этом состоянии. Давай просто любить друг друга. Молча и сосредоточенно.

– Давай! – обрадовалась Алина, радуясь возможности ухода от выяснения отношений.

И они забыли, на каком свете находятся, в каком времени суток пребывают и в каком пространстве плавают их обнажённые тела. Всё исчезло. Не было комнаты, кровати и подушек. Не стало электричества, исчезли звуки. Они погрузились в измерение, до сих пор не изученное физиками и философами и по этой причине не имеющего количественного номера. Это самое лучшее измерение во времени и пространстве, его не существует в других мирах, но оно есть на земле. И попасть в него можно лишь однажды. Алина плыла по невесомому облаку, отталкиваясь руками от пустоты, понимая, что в этот миг она счастлива, как не была счастлива никогда до этого. Она видела и ощущала своё счастье. Она трогала его руками. Оно было невесомое, но осязаемое. Алина вскрикнула и очнулась. Дима смотрел на неё влюблёнными глазами.

– Ты никому не расскажешь про нас? – сказал он, пробуждаясь от любовной истомы.

Алина поморщилась. Разве можно рассказать про любовь кому-нибудь? Никто не поймёт. Она отгородилась от Димы и стала одеваться, пытаясь сохранить в душе ощущение счастья:

– Нет. Не волнуйся. Я всё забыла!

Он проводил её до двери. Обнял и долго стоял, обхватив её руками. Наконец она освободилась от захвата и вышла на площадку, пытаясь вернуть себя в ощущение невесомости. Ей удалось. Алина засмеялась и побежала, чувствуя, что победила реальность и теперь сможет отстраниться от неё. Когда захочет.

* * *

– Хабкун! – крикнули сзади.

Алина вздрогнула, сбилась с шага, но не обернулась.

– Хабкун! – прозвучало ещё громче, но девушка продолжала семенить по коридору.

Каблуки красивые, высокие, целых двенадцать сантиметров – ужасно неудобные; чувствуешь себя, как на костылях.

«Чёртовы копытца. Придумали же моду! Кто это кричит? А-а, опера шутить изволят. Уже все знают, что меня стошнило на месте происшествия, и я не смогла процессуально оформить труп. Ладно, мне бы день простоять, да ночь продержаться. Нет, наоборот, ночь простоять, а день продержаться... Ничего, выстою! Интересно бы знать, что означает это странное слово “хабкун”?» – размышляла на ходу Алина.

– Алина Юрьевна, наше вам! – Её обогнал Денис Хохленко. – Что же вы не реагируете на приказ?

– А-а, Дэн, привет! – обрадовалась Алина.

Слава богу, что это Хохленко, а не Слава Дорошенко. С тем и шутить опасно.

– Это не приказ, а какая-то собачья команда, – засмеялась Алина. – Кстати, что такое – хабкун?

– По-афгански – ложись! – объяснил Денис и добавил после многозначительной паузы: – Знаешь, скажу тебе по секрету, тебе одной, а ты уж никому – я в Афгане был.

– Да ты же маленький для Афгана, – развеселилась Алина, – это Александр Николаевич там воевал. А Константин Петрович в Чечне. А тебя тогда ещё не было на свете.

– Ничего ты не понимаешь, не доросла пока до взрослых игр. Меня, между прочим, туда послали с секретной миссией, – разоткровенничался Хохленко. – Я в федеральных силах служил.

– Ой, Дэн, не знаю я таких сил. Не придумывай! Сам хабкунь, если тебе так хочется! Привет!

И Алина резво рванула в сторону дежурной части, оставив Хохленко далеко позади. Денис хмыкнул и отправился искать следующую жертву.

– Хабкун! – проорал он прямо в ухо Диме Воронцову.

– Сейчас как дам по башке! – разозлился Воронцов и, развернувшись, пошёл тараном на Хохленко.

– Да, брось, Димыч, я же пошутил, – засмеялся Денис и протянул Воронцову руку, но тот оставил жест без внимания.

– Выучил одно слово, а на второе ума не хватило, – продолжал злиться Дима. – Ты хрен собачий, а не афганец! Лучше бы ты фамилию поменял с Хохленко на «Череззаборногузадерищенко»!

Последнее сложное слово Дима часто использовал вместо ругательства. Хохленко заметно струсил, вдумываясь в смысл странного словца. То ли фамилию искажает, то ли ругается. Может, оскорбляет? Не понять этого Воронцова.

– Да ладно, Димон, дай пять! – Денис снова протянул руку.

Вытянутая рука подрагивала от неловкости на весу. Воронцов не ответил на дружественное приветствие. Хохленко смутился и схватился рукой за воротник, будто поправлял его.

– Бери все десять, не жалко! – бросил Воронцов на ходу и, убегая, зацепил Хохленко, чуть не сбив с ног, но Денис удержался.

– Череззаборногузадерищенко! – эхом пронеслось по коридору.

Хохленко потёр указательным пальцем переносицу. Сумасшедшие они все! И девица эта на каблуках, и Димон... И начальнички ещё те. Зачем я сюда перевёлся?

В отделе Хохленко появился внезапно, сразу после Нового года. Оперативники его не приняли. Все старательно выговаривали его фамилию, периодически меняя в ней ударения, но Денис мужественно терпел нападки. Потом перестроился. Решил перевести стрелки на Алину Кузину. Хорошая девчонка, но смешная. То каблуком зацепится, то сядет мимо стула. Вечно спешит куда-то, что-то теряет, постоянно краснеет. Её часто тошнит. Тонкая, нервная девушка. Алина Денису нравилась, но он видел, что особенно забавной она становится в присутствии Димы Воронцова.

Между мужчинами возникла неприязнь, скрытая от посторонних глаз, обоими до конца не осознанная, но вместе с тем глухая и жёсткая. Денис слегка трусил: всё-таки новичок в отделе, вдруг придётся вместе с Димой под пули ходить? Тогда уж не побалуешься. А тут ещё фамилия не кондиционная, учитывая новые веяния в политике страны. Хоть срочно женись и бери фамилию жены. Впрочем, жениться Денису не хотелось. По крайней мере в ближайшем будущем женитьба в его далеко идущие планы не входила. Хотя когда он смотрел на длинные, как итальянские макароны, ноги Алины Кузиной, появлялось смутное желание ощутить их на своих коленях. И бёдра у неё, наверное, тугие, как боксёрская груша. Денис вздыхал и отворачивался. Смешно он выглядел бы, если Алинка ни с того ни с сего уселась бы к нему на колени. Больше никого в коридоре не было, и Денис поплёлся в кабинет начальника «угонной» группы. Ночная сходка сонных оперативников не предвещала ничего хорошего. Подняли по «тревоге» в полночь, обязали срочно явиться в отдел. Служба, ничего не попишешь. С этими мыслями Денис вошёл в кабинет начальника.

– Чего опаздываем? – угрюмо бросил Батанов.

Денис решил не откликаться на замечание и скромно притулился на стуле у стены, чтобы не бросаться в глаза. Подальше от глаз начальника – таков был его жизненный девиз.

– А он в коридоре иностранные языки изучает!

Хохленко скривился. Дима Воронцов злорадствует. Сейчас начнётся.

– Какие ещё иностранные языки? – вскинулся Батанов.

– Он афганский учит. Уже одно слово знает, – ехидничал Воронцов.

– Два! – живо поправил Хохленко.

Повисла пауза. Все хотели спать. Ночной подъём по «тревоге» бодрости не прибавил. Оперативники боролись с сонливостью и злостью, нараставшей в каждом с одинаковой прогрессией.

– Бихез! – крикнул Хохленко.

Все вздрогнули и закатили глаза горе.

– Нишин! – поспешил добавить Денис, но почувствовал, что перегнул палку. Шутку не оценили.

– Отставить! – рявкнул Константин Петрович и поморщился.

Он тоже хотел спать. Вновь возникла пауза.

– А где Алинка? – спросил кто-то.

Дима обернулся на голос, но замер. Он боялся, что оперативники узнают, что ему давно нравится девчонка на высоченных каблуках. Тогда насмешек не оберешься.

– Ждёт, пока приглашение выпишут, – раздражённо бросил Слава Дорошенко. – Костян, начинай без неё. Пусть чулки наматывает.

– Она в брючках, – вежливо подсказал Хохленко.

Дима вскинулся, но сник. Совещение грозило перерасти в перепалку.

– Руководство Главка распорядилось создать оперативно-следственную группу по резонансному преступлению, совершённом группой лиц в 22.30 на магазин «24 часа», – начал Батанов, но Дорошенко перебил его, пользуясь дружеским расположением начальника:

– Костян, да у нас каждый день резонансное преступление совершается, и не по одному, а серией идут. Нам с угонами не разобраться. Косяком идут. Теперь ещё грабежи на нас повесят? Нам что – вообще не спать? Я пришёл с суток, только лёг – вызов. Дал отбой, так дежурный разбудил жену по городскому телефону!

– Слава! Отставить! – оборвал его Батанов и продолжил: – Группой неустановленных лиц совершено разбойное нападение на продавцов магазина «24 часа». Потерпевшие в больнице. Следователь скоро подъедет. Предлагаю раскрыть по «горячим следам». Иначе от нас не отстанут. Это третий разбой за двое суток.

– Потерпевшие из больницы отпущены, – вежливо подсказал всезнайка Хохленко.

Дверь скрипнула, и в кабинет робко протиснулась Алина Кузина. Вид у неё был нездоровый. Она стёрла в кровь обе пятки на ногах. Новые ботильоны нещадно жали. Долго не могла найти пластырь, перерыла всю сумочку – ничего не нашла; пришлось спуститься в дежурную часть. Пластырь нашёлся у какой-то задержанной – вконец спившаяся молодуха оказалась милосердной. Спасибо, выручила. Алина чувствовала себя виноватой. Её мучила совесть за проявленную слабость при виде расчленённого и обезглавленного трупа. Многие сотрудники наблюдали, как её выворачивало тогда. Кишечник чуть наружу не вывалился. Сильно рвало. Стыдно до сих пор. Купила красивую обувь, хотела искупить вину и убить весь личный состав отдела своим великолепным видом, а вместо этого захромала на обе ноги. Теперь пятки облеплены пластырем, хоть босиком иди. А ведь всю зарплату потратила.

– Кузина – на патрулирование! Воронцов – в группу разбора!

– А можно мне в группу разбора? – робко поинтересовалась Алина.

– Нет! – отрезал Батанов. – Ты – на патрулирование!

– У меня авария, я ноги стёрла. До крови, – пожаловалась Кузина.

– Меня не интересует твоё физическое состояние. Тридцать три несчастья. То тебя рвёт, то пятки в мозолях, то ПМС, то эсэмэс. Мне без разницы, что у тебя болит. Будешь патрулировать. Итак! Кузина – на патрулирование, Воронцов – в группу разбора, Хохленко на обход жилмассива!

– Константин Петрович! – взвыл Хохленко. – Можно я стажёра возьму с собой?

– Отставить! – рявкнул Батанов. – Повторяю, обход жилмассива – Хохленко. Патрулирование – Кузина. Группа разбора – Воронцов. Отчёт – каждые два часа. Главк ждёт результаты.

– Константин Петрович, мне бы в группу разбора, я же не могу ходить, – Алина с трудом сдерживала слёзы.

– И стоять она не может! Только лежать, – хихикнул Хохленко.

– Константин Петрович, я сейчас ему по репе настучу! – загремел Воронцов.

– Мужики! – крикнул Батанов, но Хохленко, не дав ему договорить, добавил: «И бабы!»

Наступила тишина. Сонное состояние прошло разом. Глаза у всех заблестели в предчувствии крутого разбора сложных производственных отношений. Батанов боролся с вылезающим из него ругательным словом. Всё-таки пересилил себя, сдержался. Не выматерился.

– И девушки, – с трудом выдавил из себя Константин Петрович. – Прошу всех разойтись по местам. Поставленную Главком задачу надо выполнить. Мы обязаны раскрыть преступление по «горячим следам». Это приказ. Точка!

– А почему... – начала Алина, но Батанов усмехнулся и перебил её:

– Потому что в состав следственно-оперативной группы включена следователь Наталья Ивановна. Если она посмотрит на тебя хоть одним глазом, тебе не сдобровать. Заодно и мне. Да что там мне! Всем нам плохо будет. Характер у Натальи Ивановны не сахар. Она на дух не переносит женщин-оперативниц. По этой веской причине, ты пойдёшь патрулировать. Обувь можешь взять у ребят. Есть в группе запасные кроссовки?

Послышались ехидные смешки, кто-то шипел про запасные трусы и прокладки; Хохленко, пригнувшись, чтобы не попасть в поле зрения Батанова, рассказывал анекдоты на злободневную тему: «Приехал один чужак в Париж, его везут по городу и говорят, мол, это Елисейские поля и проститутки, это Эйфелева башня и проститутки, это Лувр и проститутки. И так по всем знаменитым местам. Чужаку надоело всё это, он и спрашивает, мол, а порядочные девушки в Париже есть? А ему на это – есть! Но очень дорого!»

Воронцов прислушивался к шёпоту Хохленко, сжимая кулаки. Назревал скандал, но Батанов мигом пресёк злостные происки:

– Какие ещё проститутки? А?

– Это Дэн! – заржали опера. – Хохол же! У него в голове одни проститутки. Показатели на них делает. Увидит номер телефона на асфальте и давай звонить. И сам попользуется, и притон оформит.

– Показатели – дело хорошее; всем бы так, – беззлобно буркнул Батанов. – По местам! Я на связи.

Сразу стало тихо. Батанов углубился в изучение оперативной сводки. Оперативники дружно поднялись и гуськом направились к выходу. Кузина сидела за столом и хлопала глазами.

– Это не честно! – сказала она, не надеясь, что её услышат.

Услышали.

– Не честно приходить на работу, как на тусовку, – не поднимая глаз от бумаг, сказал Батанов.

– Но... – Алина скукожилась под испепеляющим взглядом Константина Петровича. – Я иду-иду, Константин Петрович, не волнуйтесь вы так!

Батанов, с трудом сдерживаясь, чтобы не запустить в Кузину телефоном; замотал головой, что-то мыча. Его заметно подбрасывало на стуле. Когда дверь за Алиной закрылась, Батанов осел и мотнул головой, потом поднял трубку прямой связи и прошипел:

– Димыч, поищи там что-нибудь из обуви. Она вся перекосилась от боли. Дура!

– Дура натуральная, – с радостью согласился Воронцов и открыл шкаф, надеясь найти там что-нибудь подходящее.

Откопав в пыли древние кроссовки, долго рассматривал подошвы, надеясь увидеть размер, да только за давностью лет номер стёрся. Дима поколотил кроссовками по стулу, выбивая скопившуюся грязь, и пошёл к Алине. Кузина горько плакала, обиженная на себя, начальника,

но больше всего, на новые ботильоны. Такие надежды возлагала на обновку, а вместо радости получила горькие слёзы. Стыдно перед оперативниками. Нет в жизни счастья.

– Линок, может, ты всё-таки в следствие пойдёшь работать? – спросил Воронцов, изнывая от желания обнять Алину, но не посмел и лишь вздохнул.

От его слов плачущая девушка мигом трансформировалась в злую фурию. Только что сидела опечаленная красавица, залитая слезами, и вдруг перед Димиными глазами предстала настоящая ведьма: нос вздёрнулся, разбух, глаза вылезли на лоб, губы затряслись и посинели. Вместо девушки с модельной внешностью на Воронцова уставилась настоящая злая Баба Яга.

– Ты чего, Линок? Не волнуйся так, успокойся, – испугался Воронцов. – На, держи кроссовки, других нету.

– Я никогда не пойду в следствие, понял? Я буду работать в уголовном розыске. И точка. Эти кроссовки сорок пятого размера. Я в них утону.

– Тони, тони на здоровье, как в «Титанике», – хмыкнул Дима, – тебе же патрулировать по улицам. Все ноги до попы сносишь.

– Почему ты гонишь меня в следствие? Тебе стыдно за меня? – вновь пригорюнилась Алина.

Она взгромодилась на уродливые кроссовки, словно в коровью лепёшку наступила. Забавная картинка развеселила Воронцова. Он обнял Алину и чмокнул в румяную щёчку.

– Линок! Никуда я тебя не гоню. Уголовный розыск – мужская работа. Зачем ты себя мучаешь? На трупе прокололась. Уже все знают, как тебя рвало. Ой, ты такая забавная в этих кроссовках! Прелесть ты моя, – он прижался к ней всем телом и зажмурился от удовольствия. – Никуда бы не пошёл. Так и сидел бы с тобой в этой кладовке.

– Это не кладовка. И не моя! – сердито отстранилась от него Алина. – Это кабинет оперативной аналитики отдела. Забыл? Анализ оперативной обстановки – моя основная деятельность.

– Вот и занимайся своими анализами, – с деланным равнодушием вздохнул Воронцов, – куда ты лезешь? Все девушки как девушки, а тебе больше всех надо!

Алина посмотрела на себя в зеркало, затем попрыгала перед окнами, разглядывая своё отражение.

– Нет. Пойду в своих. Каждый шаг – как нож в сердце.

Под недоумённым взглядом Воронцова Алина переобулась. Кроссовки бросила в угол.

– Красота требует жертв. Я иду патрулировать, а ты будешь сидеть в группе разбора. Я буду страдать, а тебя пусть мучает совесть. Ты же мужчина, Дима? Или кто ты?

– Или кто я, – поник Воронцов, – приказ есть приказ! С Батаном не поспоришь. Может, ножки перебинтовать?

– Тогда в ботильоны не влезут. Пойду так. Мучайся, Дима, мучайся! Тебе же жаль меня?

– Жаль-жаль, бедная моя девочка. Может, напишешь рапорт о переводе в следствие? Там спокойно, без нервов, сиди да клацай на клавиатуре протоколы допроса. На трупы выезжать не надо. Только в морг и то по необходимости.

Воронцов шутил, но как-то ехидно. Алина почувствовала скрытое раздражение в его словах.

– Сам пиши рапорт на перевод в следствие, а я буду раскрывать преступления! Я буду делать это не хуже мужчин, а гораздо лучше. Я научусь!

– Да раскрывай, сколько влезет! Можешь вот тумбочку раскрыть, если так хочется. Глядишь, премию дадут к праздникам, – вконец разозлился Воронцов. – Я с тобой, как с человеком разговариваю, а ты...

– И я с тобой, как с человеком, – Алина помотала головой из стороны в сторону, дурашливо улыбаясь, – не горюй, Димка! Я справлюсь!

– Да уж, – поморщился Воронцов, – то-то же ты на сходке нюни распустила: мол, куда мне патрулировать, я все ножки до крови стёрла, я вся такая нежная, мне бы поближе к следователю.

Они сердили друг друга нарочно, словно пытались спровоцировать конфликт, но ссоры не вышло. Оба были безнадежно влюблены, краснели от случайного прикосновения, мимолётного взгляда, неверно понятого слова. Воронцову было жаль девушку: она уходила в ночь, на мороз, в нелепых полуботиночках на высоченных каблуках, с потёртостями и мозолями. Он спокойно отправился бы патрулировать вместо Алины, но тогда придётся нарушить приказ Батанова, а Дима всегда был послушным. Таким уж родился. И хотя в его семье никогда не было военных, милиционеров, а уж тем более, полицейских, Дима выбрал профессию полицейского.

Родители сильно удивились, когда он объявил о своём решении пойти после школы на юридический факультет. Мама заплакала, отец сдержанно вздохнул. Но отговаривать не стали. Подумали и переступили через себя, оправдывая выбор сына. Если бы Дима увлекался просмотром ментовских сериалов, чтением криминальной литературы или любил играть по ночам в стрелялки, было бы понятно. Однако нет, ничего такого за ним не водилось. Мальчик как мальчик, обычный, не гений, без особых талантов, на подвиги не способен, и вдруг такой странный выбор. Воронцова удивила реакция родителей: он ожидал другого – думал, начнут отговаривать, стращать, пугать, шантажировать здоровьем. Проскочило. Мать поплакала и успокоилась. Отец смирился. Внешне оба поддержали сына. А что творилось у родителей внутри – сын знать не хотел.

Воронцову нравилась работа оперативника, он не уставал от ненормированного рабочего дня, от бумажной волокиты, от придинок начальства. В уголовном розыске не было никакой романтики. Рутинная работа, но за гранью человеческого понимания. Иногда, собираясь поздно ночью на работу, Дима слышал, как плачет мать. Он морщился, но терпел. Маму не переделаешь. Она любит страдать. Хлебом не корми, только дай возможность попереживать. Отец молчал, лишь иногда спрашивал, мол, как дела, не устал ли, сынок, от службы? Дима посмеивался, догадываясь о глубинных истоках пустых вопросов, но не вникал, думая, что рано или поздно всё уладится.

– Не знаю, что со мной случилось, – всхлипнула Алина, – так жалко себя стало. Как представила, что придётся ковылять на этих каблучищах, чуть слёзы не брызнули. Уже прошло, Дима! Я всё понимаю. Наслышана про Наталью Ивановну. Говорят, она ненавидит женщин, особенно, молодых. Всех девушек съедает заживо, запивая обед горячей кровью. Вот так!

Алина клацнула зубами и прикоснулась губами к Диминой шее. Тот вздрогнул и поёжился. Страшновато получилось. Алина натурально симитировала вампиришу. Ей нужно было не в опера подаваться, а в актрисы. Голливуд по ней плачет. И не просто плачет, слезами умывается. Воронцов вдруг расхрабрился и поцеловал Алину. По коридору раздались глухие шаги и замерли у двери. Алина и Дима отпрянули друг от друга и, как ни в чём не бывало, занялись сборами. Дверь распахнулась.

– Чего сидим? Отдыхаем? – рявкнул Дорошенко.

Вид у него был ужасный. Словно он только что вернулся из боя. В чёрном одеянии, с маской, сдвинутой на шею, с автоматом под локтем, Слава был похож на рэйнджера, постоянно ищущего приключений на территории какого-нибудь исламского государства. Алина почувствовала, как по телу пробежал холодок. Внутри всё сжалось. Озноб ощутимо бился внутри, угрожая вырваться наружу.

– Я уже готова! – крикнула Алина, коченея от страха.

– Она ноги стёрла. В кровь разбила, – сказал Воронцов, смущённо уводя взгляд из-под пытливых глаз Дорошенко.

– Старая песня, то её тошнит, то мозоли на ногах. Ничего, до свадьбы заживёт, – миролюбиво усмехнулся Слава, – лишь бы не блеванула во время патрулирования. Предлагаю разойтись добровольно. Без осложнений.

– Слав, мы уже бежим, – примирительно пискнул Воронцов, – Ленок, ты готова?

– Да, собралась.

Они вышли гуськом: впереди Слава с автоматом, сзади притихшие Дима и прихрамывающая Алина.

– Кузина! В дежурке тебя стажёр ждёт. С ним будешь патрулировать территорию. Батанов приказал. Адресную программу возьмишь у дежурного. Воронцов! Группа разбора в седьмом кабинете. Наталья Ивановна ждёт.

– А мой стажёр где? – удивился Дима. – Я что, на пару с Натальей Ивановной останусь?

– Не переломишься! – отрезал Дорошенко. – Стажёр у нас один. На всех не хватит. Кузиной нельзя патрулировать в одиночку. Ей полагается стажёр для храбрости.

Дорошенко рассмеялся собственной шутке. Алина мысленно отметила, что смеётся один Слава, а Дима делает вид, что не понял шутки. После паузы она тоже наигранно рассмеялась, словно только что оценила сарказм Дорошенко. Слава удивился и замолчал. Его шутка предназначалась Диме и никому больше. Дорошенко желчно хмыкнул и шумно потопал по коридору, нагоняя упущенное время. Дима и Алина приостановились, одновременно вздохнув, посмотрели друг на друга и медленно разошлись в разные стороны. В эту минуту им показалось, что рассвета больше не будет, утро никогда не наступит и солнце уже не взойдёт, а глухая морозная ночь останется на земле на вечные времена. И всё бы ничего, но вдруг электричество отключат? Внезапно и без объявления. Оба обернулись, посмотрели друг на друга и прыснули от смеха, догадавшись, о чём подумал каждый. Сдерживая смех, в унисон прибавили шаг и вскоре забыли о существовании друг друга. Работа поглотила все мысли и чувства. Думать о том, взойдёт или не взойдёт солнце, стало недосуг. Каждой клеточкой организма они погрузились в работу. На какое-то время Алина забыла про разбитые ноги. Ботильоны показались удобной обувью, а не предметом роскоши.

* * *

Стажёр оказался мелким и неказистым мужчиной лет тридцати. Алина поморщилась. Придётся патрулировать с тем, кого дали в напарники, пусть и не лучшим представителем мужского населения планеты. Алина ещё раз вздохнула: ах, если бы на месте хилого стажёра оказался Дима Воронцов! Но мысль тут же оборвалась. Бери, что дают. Алина Кузина резко развернулась и вышла из дежурной части. Стажёр уныло поплёлся позади. Алина держалась от него подальше, боясь, что он догонит и пойдёт рядом с ней. Мимо спешили люди, им не было никакого дела до терзаний юной оперативницы. Алина вздохнула. И тут же подумала: если посчитать, сколько раз она вздохнула за этот долгий-долгий день, можно уже со счёту сбиться.

– А ты чего хромаешь? – донеслось откуда-то снизу.

Алина вздрогнула и шарахнулась в сторону.

– Ты что, инвалид? – строгим голосом спросил стажёр.

Он тянул вверх гладко стриженный затылок, но всё равно смог дотянуться лишь до плеча Алины. Он был ниже Кузиной на голову.

– Что за вопрос? – рассердилась Алина, пытаясь справиться с раздражением.

Всё кругом не так, как надо. А как надо? Она уже и головой потрясла и уши потёрла, что означало, что девушка пребывает в состоянии полнейшего разлада с окружающей действительностью.

– А что тут непонятного? – удивился стажёр. – Удивляюсь, почему в полицию стали брать инвалидов? Что, у нас в городе здоровых людей не стало? Кончились они, что ли...

– Сам ты кончился! – процедила Алина сквозь зубы. – Отстань!

– Не отстану, – заверил упрямый человечек, – мне дежурный велел не спускать с тебя глаз. Между нами говоря, он тебе не доверяет.

– Думай, что говоришь! – возмутилась Алина. – Дежурный мне не доверяет, видите ли. С чего ты взял? Глупости не говори.

Прохожие испуганно пробежали мимо, словно боясь странной парочки. Со стороны они выглядели нелепо. Высокая стройная девушка в короткой курточке и низенький смешной человечек без шапки, но в тёплой ветровке со сбившимся капюшоном.

– Дежурный тебе совсем не доверяет! – отрезал стажёр, вкладывая в каждое слово обидный смысл.

– Не придумывай! Виктор Алексеевич – порядочный человек. Настоящий офицер. Он не станет перемывать чужие косточки с незнакомыми людьми.

Маленький человечек от возмущения запнулся, остановился и принялся хватать ртом холодный воздух. От возмущения он не мог вымолвить ни слова. Потом вдруг успокоился и сказал:

– Я Николай! Меркушев. Стажируюсь уже полгода. Меня на аттестации зарезали. Не пропустили на должность участкового. Так что в отделе я свой. Мне доверяют. А тебе нет. Ты ещё не своя. Лучше ответь, почему ты хромаешь?

– Обувь жмёт, – нехотя призналась Алина.

Она судорожно размышляла, что делать дальше. Если разговор будет продолжаться в том же тоне, ничего не получится. Кажется, она сделала ошибку, побрезговав присутствием неприглядного стажёра. С лица воду не пить. Необходимо изменить отношение к происходящему. Иначе этот рейд плохо закончится. Алина прислонилась к стене дома, чувствуя, как кружится голова. Что за день сегодня? Тянется и тянется, и конца-краю ему не видно. Вообще-то это не день. Это ночь. Долгая и муторная ночь. Опера такую называют анальной. Это когда от усталости сводит скулы и мышцы на лице, а про ноги лучше не думать. Алина с удовольствием бы присела, а как? Патрулировать сидя ещё никому не удавалось. Территорию обходят пешком, ногами, и другого способа пока не придумали. Батанов ждёт результаты совместного патрулирования. Придётся приноравливаться к этому вредному человечку. Алина злилась на себя, на собственную никчёмность, на жизнь вообще и на стажёра в частности.

– Тогда тебе не до работы, раз обувь жмёт. Ты психуешь. Всё раздражает, да? – спросил Николай с явным сочувствием.

Алина молча страдала, мысленно оценивая свои возможности. Только бы от стены отлипнуть. А там видно будет.

– Да, дела... – пробормотал Николай.

Они стояли у дома, граничащего с магазином «24 часа». Где-то по этажам бегают, опрашивая жильцов, Слава Дорошенко. А они стоят и чего-то ждут. Алина решительно отодрала себя от стены:

– Идём, стажёр! У нас много дел.

Николай хмыкнул, ссутулился и сразу стал похож на карлика. Алина заставила себя не думать о внешности напарника. Какой есть, с таким и надо работать. Они ретиво направились в сторону пивного ларька. Алина думала, что настоящий уголовный розыск – это война. Фронт. А как было на настоящем фронте? Ведь не все там переносили друг друга, кто-то кого-то раздражал. Наверное, и любимый мужчина способен вызвать раздражение? Нет, такого не может быть. Никогда. Алина прикрыла глаза и представила, что когда-нибудь Дима Воронцов будет ей неприятен. Нет-нет, невозможно. Алина уже неизвестно в который раз тяжело вздохнула и вдруг отпрыгнула в сторону; Николай упал на колени перед ней и что-то разглядывал. Словно пёс в ноги бросился. Нет, это не бродячая собака, это психованный стажёр. Алина остановилась.

– Ты чего? – спросила она, инстинктивно перебирая ногами, как стреноженная лошадь.
– Смотрю вот, – буркнул снизу Николай, – смотрю, что ты сотворила с собой. Пойдём в отдел, ты сегодня не работник!

Алина сжала губы. Дождалась. Стажёр устроил сцену на улице. Хорошо, хоть публики нет рядом. А то бы посмотрели спектакль с дивным названием «Жизнь».

– А ну-ка поднимайся! Чего уселся? Пошли работать!

Она понимала, что перегибает палку. Нельзя так с мужчиной. Они ласку любят.

– Алина Юрьевна! Идёмте в отдел. Иначе я дежурному позвоню.

В его голосе зазвенел металл. Этот позвонит. И дежурному отдела, и дежурному управления. У него не заржавеет. Кузина решила сменить тактику поведения:

– Коля! У меня всё в порядке. И ноги, и душа, и мысли! Не надо никому звонить. Я прошу тебя!

Николай легко вспрыгнул, как заяц, и засеменил рядом с Алиной.

– Я знаю, что дежурный считает, будто я занимаю чужое место. И Батанов так считает. И Дима Воронцов. Я уж не говорю об остальных, – она взмахнула рукой и очертила круг, видимо, означавший, насколько большой процент коллег считают Алину пустым придатком системе.

Николай послушно кивал в такт словам: мол, верно, все именно так и думают, так и полагают.

– А я решила, – продолжала Алина, – пусть они себе думают, что хотят и как хотят, а я должна делать своё дело. Правда на моей стороне. Верно, Николай? Правильно я мыслю?

– Правильно-то правильно, – растерялся стажёр, – только ты в этой обуви – не боец. Не надо было на работу новые туфли надевать.

– Не надо было, – горестно призналась Алина. – Только это не туфли, а ботильоны. Но дело сделано. Впредь буду умнее. А теперь куда деваться? Надо патрулировать!

– Надо, Алина Юрьевна, надо.

И они пошли рядом, на равных, как брат с сестрой. И было в их шествии что-то печальное и смешное одновременно: высокая Алина и маленький Пьеро. Коломенская верста и обрубок. Алина подумала, что Николай тоже осознаёт смехотворность ситуации, но, поглядев на него, поняла, что ничего подобного. Он ощущает себя царём природы, а вот в ней, несмотря на высокий рост, видит всего лишь жалкую пигалицу, не внушающую доверия. Николай хотел бы от неё избавиться, но не знает, как это сделать. Алина громко рассмеялась.

* * *

В отделе вовсю кипела работа. Туда-сюда сновали помощники дежурного, постовые приводили задержанных, кого-то досматривали, с кем-то разговаривали. В дежурной части не протолкнуться. По лестнице спускались и поднимались одновременно. Гремели наручники, в конце коридора звучала лёгкая музыка.

– Димыч, с задержанными будешь разговаривать? По грабёжам задержали. В дежурке не продыхнуть. Тьма народу. – Это заглянул помощник дежурного.

– А-а, тащи сюда! Где взяли?

Дима Воронцов развивал скоропись, делая записи в спецблокноте. Шариковая ручка размашисто расчёркивала страницы: в отдельной графе значились фамилии, далее следовали графы с адресами регистрации и судимостями.

– У помойки. Рылись в баках, – бросил дежурный и, открыв дверь, крикнул:

– Прошу пожаловать к столу, вас устали ждать!

– С чего это ты такой вежливый? – удивился Воронцов.

– А задолбали, – ухмыльнулся помощник. – То приведи, то отпусти. Запутался я с вами. Не знаешь, кому чего надо. Ну, я пошёл?

– Свободен, – кивнул Воронцов и весело обратился к задержанным: – Добрый вечер!

– Какой вечер, командир? Ночь к концу подходит. Отпустил бы нас, что ли?

Двое мужчин не самой элегантной наружности разом дыкнули на Воронцова. Поваяло застарелым перегаром и ещё чем-то отвратительным, о чём не принято распространяться в цивилизованном обществе. Один был в тапках на босу ногу. Кривые ногти, покрытые грибовыми спорами, устрояюще торчали из резиновых прорезей, угрожая поразить личный состав отдела в самое рабочее место. Чистоплотный Воронцов инстинктивно сжался. Этого ещё не хватало. Дима боялся грибковых заболеваний. Краем глаза взглянул на ногти на руках. То же самое. Тот самый грибок. В мусорных баках рылись. Несёт от них, как от трупа месячной давности в сильной степени гнилостного разложения. Воронцов едва заметно поморщился, но задержанные мигом уловили брезгливую мину.

– Командир, отпустил бы ты нас! Мы ни в чём не виноваты. Мы тут рядом обитаем. Через дорогу.

Тот, что в тапках на босу ногу, присел на стул, стоявший прямо перед столом Воронцова.

– Ты это, встань для начала, – накинулся на него Дима, – тебе никто не предлагал сесть!

– И не надо! – вскочил со стула задержанный. – Не надо предлагать сесть. Сами сядем.

А документы принесём. У нас паспорта есть!

– А у нас есть паспорта? – спросил второй, более адекватный, без мутного всплеска во взгляде.

– Есть! – убеждённо кивнул первый. – Щас опер позвонит моей сожительнице, она принесёт. Звони, командир!

Воронцов на секунду задумался. Если руководство приказало раскрыть грабежи по «горячим следам», это означает, что в отдел натааскают разную шушеру, подобрав её от мусорных бачков, со свалок и канав. Эти вряд ли пойдут на грабёж. Слишком оторвались от дел. Пьянь полуночная.

– Стой там! – рявкнул Воронцов. – Давай номер сожительницы.

Набрал номер. Телефон мигом ответил и из динамика загредел пронзительный женский голос с истерическими нотками. Воронцов отвёл руку с трубкой подальше от уха, чтобы не лопнула барабанная перепонка и, прищурившись, принялся разглядывать задержанных. Когда женский голос в трубке умолк, Дима сказал по громкой связи:

– Благодарю вас, сударыня. Вы были так любезны!

Бросив трубку на стол, набрал номер на стационарном телефоне.

– Наталья Иванна, задержанные есть. От помойки привели. Нет, не похожи. Далеко ли помойка? Нет, рядом с отделом. Отпускать? Слушаюсь.

– Вот что, дрозды, идите-ка вы подальше от отдела. Если ещё раз приведут, я вас упакую. Надолго!

– Понял, командир! – в один голос воскликнули мужчины. Из кабинета вышли, не оборачиваясь, так и шли, плечом к плечу, испепеляя взглядом Воронцова. Протрубил городской телефон.

– Да, Наталья Ивановна! Нет, не старые, молодые. Лет под тридцать. Адрес есть. Недалеко. На нашей улице. Проживают у сожительницы. Нет, не вдвоём. По отдельности. Если никого не будет, я схожу за ними. Есть!

Воронцов бросил трубку и задумался. Сейчас ещё приведут. И так всю ночь. Таскать им – не перетаскать. Хорошо, что Наталье Ивановне выделили отдельное помещение. Вдвоём гораздо хуже было бы. Ночь уже на исходе. Скоро рассветёт. Утром про грабёж забудут. Воронцов прижал ладони к груди и провёл сверху вниз, оглаживая себя, чтобы сбросить неприятное

впечатление от двух молодых мужчин, родившихся лишь для того, чтобы провести свою жизнь у мусорного бака.

* * *

Алина смеялась и слышала, как разносится смех, мелкими переливами, будто где-то рядом звенели хрустальные бокалы. От смеха во всём теле появилась лёгкость, захотелось куда-то бежать, кому-то что-то доказывать. Да не кому-то, а конкретному человеку, идущему рядом с ней и не знающему, как от неё избавиться. Николай недоумённо посмотрел на неё и заразился смехом. Оба вволю посмеялись, Меркушев за компанию, Алина над собой и своими страхами.

– Вот что, Алина Юрьевна, давай-ка, зайдём в этот злосчастный магазин?

Предложение прозвучало неожиданно, но чрезвычайно заинтересовало Алину.

– Мы же территорию патрулируем, – она поначалу немного растерялась, в голосе появились нотки сомнения и радости, ведь в магазине можно присесть, а не болтаться по улицам.

Погода сегодня подкачала. Холодно, тревожно, неуютно. В этом климате могут жить только атмосферно-устойчивые существа, но человек, избалованный благами цивилизации, к ним не относится. Этот город предназначен для пришельцев из космоса с пониженным температурным фоном.

– Идём! – напарник выглядел решительным и целеустремлённым. – Виктору Алексеевичу меня не продашь?

– Не продам, ему сегодня не до нас, – пробурчала Алина, загребая каблучки вовнутрь.

Вообще-то от этой вредной привычки она избавилась, но в момент волнения ноги подгибались, носки устремлялись под себя, и ничего не возможно было исправить. Ещё секунда – и Алина загремела бы на асфальт, но Николай вовремя подхватил её под руку.

– Не падать! – строго предупредил он. – У нас ещё много дел.

– Да уж, – вздохнула Алина, – много. От нас результатов ждут. Батанов ждёт. Александр Николаевич. Ребята.

Они завернули за угол. Небольшое одноэтажное строение со светящимися цифрами «24» вынырнуло из темноты, яркое освещение почти ослепило их, оба разом запнулись, потеряв равновесие, налегли друг на друга, и опять Николай достойно вышел из неловкой ситуации. Он слегка отстранился, подставив локоть, и Алина всей тяжестью налегла на него, чувствуя, как опора уходит вниз, но она сконцентрировалась, встряхнулась и вскочила на ноги. Земля стала твёрдой, улица ровной, а дома не кренились набок.

– Ребятам на нас наплевать, – сплюнул Меркушев, – а вот Костя переживает. Он три раза мне звонил, чтобы я тебе подсобил.

– Как это?

Алина помотала головой, боясь, что земля снова уплывёт из-под ног.

– Так это, переживает за тебя, просил, чтобы я тебе объяснил, как надо работать, – смущённо признался Николай.

– Да я умею! Я только что из университета!

Меркушев хмыкнул и подтянул к себе Алину, чтобы пропустить её вперёд. Дверь магазина болталась туда-сюда, ничем не придерживаемая.

– Забудь про университет. Забудь. И не вспоминай больше. Он тебе больше не понадобится.

Последние слова Николай произнёс вполголоса. Они уже зашли в магазин. За прилавком торчала молоденькая женщина с мелированными волосами. Из-за странной окраски волос издали она казалась пожилой, выдавшей виды бабёнкой, а вблизи поражала своей юностью и наивностью.

– А что это у вас двери настезь? – прикрикнул Меркушев, присматриваясь к продавщице.

– Так это, душно, дышать нечем, – похлопала круглыми глазками продавщица.

– У вас же грабёж был! Где техника безопасности?

– Моя техника безопасности в подсобке, – засмеялась девушка и крикнула, обращаясь к закрытой двери во внутреннее помещение: – Вань, выйди на минутку!

Из подсобки вышел хмурый парень, исподлобья взглянул на пришедших, а на девушку за прилавком с неприкрытой ненавистью:

– Чего надо?

Девушка вздрогнула, Алина опешила, а Николай выступил вперёд, словно собрался драться.

– Мы из полиции! – сказал Меркушев сдавленным голосом.

Алина поняла, что он борется с желанием набить парню физиономию. В эту минуту она уже не сомневалась, что Николай победит в поединке, хоть он и меньше ростом и выглядит тщедушным. Она почувствовала его силу. Если будет нужно, он и её взвалит на спину и понесёт. Жилистый, вены узлами завязаны, вся мощь сконцентрирована в кулаках, ноги упругие. Николай устоит при всех раскладах. С таким не страшно ходить в разведку. Его враг не заметит, а если бой завяжется, то всем несдобровать.

– А-а, надоели уже, всё ходите и ходите, а толку никакого, – продолжал хамить Иван, облокотившись на прилавок; копаясь в бумагах, он исподтишка наблюдал за гостями.

– Ещё долго ходить будем, – примирительным тоном бросил Меркушев, – ты вот что, Иван, скажи мне, а кто из вас собственник магазина?

– Ну, я, а чего? – нехотя выдавил из себя Иван.

– И как торговля? Кризис же, – поспешила задать вопрос Алина.

Она не хотела стоять без дела. Надо чем-то проявить себя. Меркушев нервно оглянулся на неё, даже затрясся от злости, но быстро справился с раздражением и растянул и без того узкие губы в полоску, что, видимо, означало у него улыбку и хорошее настроение.

– Да какая там торговля, так, канитель одна, – отмахнулся Иван, изучая какой-то журнал.

Алина видела, что он краем глаза следит за ними, а погружение в бумаги – это игра на публику. Иван не хочет с ними разговаривать. Он устал. Сначала отвезли в больницу, но покоя не дали. Пока обследовали врачи, Иван давал объяснения полицейским, писал заявление, разговаривал с обширной группой лиц, представляющих властные и не очень структуры. Ему надоело изображать из себя вежливого человека.

– Расскажите, как всё произошло?

Вопрос повис в воздухе. Алина прикусила кончик языка. Зачем полезла в разведопрос Меркушева: он хоть и стажёр, но сегодня ночью за старшего. Его Батанов попросил быть заботливым. Вот он и старается.

– Всё есть в отделе полиции. Я написал заявление, меня допросили, я объяснял куче народа, что и как. Хватит с меня!

– Я расскажу! Я!

Продавщица расторопно выскочила из-за прилавка и подбежала к Алине, минуя Николая. Женское чутьё не подвело. Оно выбрало, кому можно довериться, и Алина оказалась главнее Меркушева. Николая передёрнуло от явной несправедливости, но девушка его не видела, тарашась на Алину, изо всех сил стараясь показаться самой вежливой из всех ограбленных продавщиц на свете.

– Так что случилось?

Алина поняла, что перетянула инициативу на себя. Николай ушёл на задний план. Лидером становится тот, кто сумеет вызвать доверие.

– Понимаете, стою я за прилавком, никого нет, поздний вечер, касса подготовлена к инкассации, и вдруг залетают двое в масках, наводят пистолеты и щёлкают затворами; один

из них кричит: мол, руки вверх, а второй забирает кассу! Побросали бабки в сумки и ушли, – сверхчастотно выпалила девушка и умолкла.

Наступила тишина.

– Больше ничего?

– Ничего.

Повисшая пауза угрожала забрать лидерство, а у Алины закончились вопросы. Она не знала, как продолжить беседу.

– Ваше имя? – спохватилась она, ведь с этого нужно было начинать.

– Моё имя? – растерялась девушка. – Так я уже говорила. И заявление подписала. Ещё в больнице.

– И всё же?

Алина освоилась в незнакомой обстановке. Спокойная, деловая, хваткая. Такой она видела себя со стороны. Разумеется, нарисованный портрет вполне соответствовал амбициям. Кузина горделиво вздёрнула голову и слегка подбоченилась. Николай стушевался, став ещё меньше размерами, превратился в тень Алины.

– Да Лариса она, Лариса! – вмешался Иван в нескладный разговор, злобно поглядывая на незваных посетителей и откровенно ухмыляясь.

– Да, я Лариса, но я больше ничего не помню. Маски, пистолеты, крики – и всё! Они быстро ушли.

– Две маски, два пистолета, две сумки? Так?

Лариса округлила глаза. Она напряглась, видимо, заново пересчитывая количество сумок и пистолетов. Затем с трудом выдавила из себя:

– Да. Два пистолета. Две сумки. Две маски.

Продавщица замолчала. В наступившей тишине явственно слышалось натужное дыхание Ивана. Остальные дышали сдержанно, пытаясь понять, что происходит. Ощутимое напряжение давило на виски, лоб и шею. Алина оглянулась. Николай стоял в стороне, растянув губы в узкую щель.

«Николай, как почтовый ящик, – подумала Алина. – Да, он похож на почтовый ящик. Такой же непроницаемый, с раздвинутой щелью, таящий в себе загадку. Неизвестно, что в нём находится. То ли печальное известие, то ли радостное».

– Николай, у вас есть вопросы?

Меркушев дёрнулся, ещё больше растянул рот, но промолчал.

– Я приглашу вас в отдел, обоих. Вас, Иван, и вас, Лариса, – сказала Алина. – Завтра. Там и побеседуем.

– Никуда я не пойду! – заявил Иван, но после короткой паузы добавил, смягчая резкость предыдущих слов: – Лариса придёт. Во сколько нужно?

– Я позвоню.

Алина сделала вид, что не заметила хамства Ивана. Завтра будет видно. Ночью все чувства обострены, любое слово, сказанное невпопад, кажется издевательством. Все устали. Ночью положено спать, а не бродить по ограбленным магазинам.

Они вышли. Холодная морось легла на лица влажной плёнкой. Только что был мороз – и уже оттепель. Часа не прошло. Погода на планете совсем испортилась. Не понять, то ли зима на исходе, то ли весна на подходе. Алина бодро рванула с места в карьер. Николай едва успевал за ней.

– Разносила, что ли, эти свои... как их... – крикнул он, забегаая сбоку.

– Ботильоны, – подсказала Алина. – Да, больше не жмут.

И хотя ботильоны по-прежнему жали, а пятки кровоточили, откуда-то появилось ощущение невесомости; хотелось бежать и лететь, лишь бы избавиться от неприятного Николая.

– Коль, ты чего отстаёшь?

Алина застыдилась собственного легкомыслия. Нехорошо так поступать с человеком, ведь они на задании. И хотя работа превратилась в пытку, так как оба сотрудника нескладные, без опыта, но хоть чему-то они научились за эти несколько часов.

– Ты летишь вперед, как ракета, я за тобой не успеваю, – оправдывался Меркушев, быстро семеня короткими ножками.

– А почему ты до сих пор в стажёрах ходишь? Ты уже взрослый, – спросила Алина, запоздало опомнившись: напрасно задала вопрос – нечего лезть в душу незнакомого человека. Захочет – сам всё расскажет.

– Не знаю. В кадрах заминка. Не переводят на должность, – буркнул Николай, злобно сплюнув.

– А почему? – не могла остановиться Алина, мысленно ругая себя за опрометчивость.

Чего пристала к человеку. Вон он как щерится! На волка стал похож.

– Так ты на должность пришла. Кадровики не успели оформить документы.

Ответ Меркушева потряс Алину. Сама виновата. Зачем-то выпросила кусочек правды. А Меркушев взвалил на хрупкие девичьи плечи комплекс вины за его незадавшуюся карьеру.

– Ничего, Николай, будет и на твоей улице праздник!

С этими словами Алина бодро взбежала по ступеням крыльца, прямиком ведущего во врата оперативного рая.

* * *

Совещание всё тянулось и тянулось. Казалось, они сидят целую вечность, хотя прошло всего сорок минут. Все доклады уже обсуждены и раскритикованы. Грабежи магазинов по «горячим следам» раскрыть не удалось. Батанов вяло поругал оперативников за безынициативность; те равнодушно отмалчивались, пережидая, когда он от них отстанет, и посему до Алины очередь не дошла. Присутствующие справедливо полагали, что говорить больше не о чем, и так всё ясно, давно пора перейти к главному. Впереди оставалось самое мутное – распределение дежурства на предстоящие сутки. Никто не хотел оставаться в отделе после изматывающей ночи. Оперативники поглядывали на телефоны, отмечая движение скачущих секундомеров. Иногда им казалось, что их движение замедлилось, а время замерло. Его вообще не стало.

Ночь давно перевалила на утренний рассвет. И хотя ещё не рассвело, за окном медленно просыпалась обычная городская суeta. Слышались неясные звуки разбуденного спозаранку города. В это время он был похож на человека, ещё спящего, сонного, но тем не менее всеми силами стремящегося встроиться в жизненный ритм. И всё-то он делает невпопад: и ноги разъезжаются, и голова с трудом работает, но организм тупо и методично совершает привычные действия. Через полчаса город заживёт обычной жизнью. И спустя два часа начнутся трудовые будни.

Батанов боролся с собой, но никак не мог принять окончательное решение. В отделе должен дежурить опытный оперативник, а кого задействовать, если все с ночи? Его взгляд упал на Кузину. Константин Петрович даже лицом просветлел. Удачное решение. В уши залез визгливый гудок утреннего трамвая. Звенит, словно его тащат на буксире по рельсам. Батанов раздражённо потряс головой, стряхивая с ушей трамвайный звон:

– Кузина!

Алина распахнула глаза навстречу окрику. Она была наготове. Хотела быть со всеми приветливой и дружелюбной, несмотря на служебные тяготы. Надо быть ко всем внимательной, и тогда жизнь и карьера взлетят вверх. Мечта исполнится. Она будет на равных в отделе. И с опытными сотрудниками, и с неопытными.

– Слушаю вас, Константин Петрович!

Лучезарная улыбка осветила кабинет. Оперативники глухо замычали, что означало плохо скрытое, внутреннее и коллективное ржание. Это был триумф всеобщего озарения. Батанов нашёл козла, точнее, козу отпущения.

– Кузина, дежуришь до 18.00.

– А как же?..

Немой вопрос остался без ответа. Батанов распределил оперативный состав по графику, сотрудники молча кивали в ответ. Никто не сопротивлялся, не ссылаясь на тревожно проведённую ночь. Батанов удовлетворённо хмыкнул: действительно, гениальное решение нашёл; и снова поднял Кузину:

– Где результаты патрулирования? Главк на проводе!

– Мне кажется, Константин Петрович, – начала Алина обиженным тоном, но Батанов перебил её, несколько грубовато, но снисходительно:

– Когда что-то кажется, надо обязательно перекреститься. Ты крещёная?

– Д-да.

Она едва не рыдала, но держалась изо всех сил. Самое обидное, что Воронцов сидел рядом и его руки мелко подрагивали. Дима явно сочувствовал Алине, но помочь ничем не мог. Оперативник всегда остаётся один на один с судьбой и начальством. Даже если этот оперативник – вполне себе симпатичная блондинка с длинными, как итальянские макароны, ногами. Алина уже передумала улыбаться. Она возвышалась над всеми: высокая, прямая, с прищуренными от злости глазами.

– Без этих твоих «кажется», плиз! – бросил Батанов.

Алина прикусила губу и отодвинулась от Воронцова, чтобы не видеть его подрагивающие пальцы.

«Буду стоять до последнего патрона!» – подумала она.

– Так вот, никакая это не банда! – сказала Алина, угадывая движение рук Димы Воронцова: он сжал пальцы в кулаки и надавил костяшками в стол.

«Переживает за меня», – обрадовалась Кузина.

– Что ты имеешь в виду? – вскинулся сонный Батанов.

Его глаза заблестели то ли в предвкушении предстоящего позора Алины, то ли от радости грядущего раскрытия резонансного преступления.

– Это были свои!

Оперативники глухо замычали, но на сей раз мычание означало факт коллективного осуждения. Коллеги сомневались в сообразительности и смекалке Кузиной. Она окинула надменным взглядом присутствующих и продолжила, слегка сбиваясь на эмоции:

– Это были свои! Грабители пришли в знакомое помещение, они были уверены, что их не задержат.

– С чего ты взяла?

– Дело в том, что дверь в магазине запирается в 22.00. Продавец открывает по звонку. По словам Ларисы-продавщицы, грабители ворвались в половине двенадцатого, а не в 22.30, как было заявлено. Она не помнит приметы преступников. Твердит про два пистолета и две сумки. У грабителей не могло быть две сумки. Забирал кассу один, второй стоял – со слов Ларисы. Так что, описание событий не соответствует реальному положению ситуации. Она путается в показаниях, а собственник магазина – Иван, уклоняется от опроса. Позвольте, Константин Петрович, вызвать Ларису и Ивана в отдел?

В этом месте Алина вспомнила, что она уже вызвала потерпевших в отдел, не испросив заранее разрешения у руководства. И от собственной самостоятельности и инициативы Алине стало теплее на душе. И ничего, что пошли уже вторые сутки, как она на работе. Зато у Воронцова перестали дрожать руки. Парень разжал кулаки и слегка развалился на стуле. Успокоился.

– Молодец, вызывай, опрашивай! Дорошенко, останешься в отделе за старшего. А я в – Главк. Алина, подготовь справку о результатах патрулирования!

Все разом шумно выдохнули и разом поднялись. Трудная ночь осталась позади. Коза отпущения всех выручила. Всегда бы так!

* * *

В дверь громко постучали. Да что там постучали – затарабанили. Там-там-там! Грохот, как на войне. Хотя Алина никогда не принимала участие в военных действиях, а артиллерийскую канонаду только по телевизору слышала, да и то вполуха. Впрочем, телевизор она не смотрит ровно с того дня, как пошла работать в уголовный розыск. Теперь у неё каждый день на войну похож.

– Войдите!

Снова грохот, борьба с дверной ручкой, наконец, в кабинет вошла, точнее, ворвалась парочка из магазина «24 часа».

– У вас дверь сломана! – пробасил Иван недовольным тоном.

– Да! – поспешно подтвердила Лариса.

«С мужчинами-оперативниками так бы не разговаривали. Видят во мне девушку, а не сотрудника полиции».

– Ну, не дверь, а ручка, – вежливо согласилась Алина.

Почему-то не хотелось втягиваться в скандал на ровном месте.

– Сами приглашаете, а дверь не открывается, – обидчиво констатировал Иван, оглядывая скудную обстановку крохотного кабинетика.

– Здравствуйте! – Алина училась на ходу.

На грубость лучше ответить приветствием, чтобы охладить пыл потерпевших. Вполне возможно, эти двое мнимые потерпевшие.

– Почему вы закрываетесь? – продолжал придирается Иван.

– И снова «здравствуйте!» – упорствовала Алина.

Лариса, не спросив разрешения, уже присела на стул у двери. Иван стоял столбом, насупившись, продолжая нагнетать внутренний гнев.

– Присаживайтесь! Вот здесь, – Алина кивнула на стул, стоявший у стены.

Она помолчала, придумывая первую фразу, способную ввести Ивана в разумное состояние. Пока он кипит, как электрический чайник, ничего толкового не получится.

– Постою! Мы спешим. Говорите, что надо.

Алина вытащила из стола два листа чистой бумаги и протянула Ивану.

– Опишите приметы преступников. Ещё раз. Те описания, что вы уже давали, нам не помогли. По вашим описаниям мы никогда никого не найдём.

– А вы ищите! Это ваша работа. Наша – людей кормить, а ваша – защищать нас. Ищите!

– Да, – подбросила свой пучок соломы Лариса, – ищите! Мы уже всё написали.

Алина вздохнула. Напрасно старалась. Бумага сиротливо повисла в воздухе. Потерпевшие не желают повторения процесса.

– Всё да не всё! Ничего, посидите, может, вспомните что-нибудь. Ваши документы, пожалуйста!

Оба безмолвно положили паспорт на стол. Алина взяла паспорт Ивана и увидела белорусский адрес:

«А-а, так он из Белоруссии. И Лариса оттуда же. Земляки. Может, они муж с женой? Штампа нет. Сожители, скорее всего».

Кузина удивилась собственной смелости. Впервые заговорила на профессиональном языке, пока, правда, мысленно. Ещё недавно слово «сожитель» пугало её, она внутренне сжималась, словно слышала нецензурную брань.

– Вы вместе живёте? – спросила она, перелистывая страницы.

– Почему вместе? – вскрикнула Лариса. – Ничего не вместе. У нас всё отдельно!

Иван хрипло засопел. Сейчас снова закипит. Алина посмотрела в окно, на стол, на стену. Что она хочет понять? Что? Это обычный грабёж. «Глухарь». Можно понять поведение потерпевших. Оба уставшие, обычные люди, они хотят спать, есть, мыться. И она тоже устала. А ещё целый день впереди.

– Ваша регистрация не совпадает с местом проживания. Будьте добры, напишите адреса, где вы снимаете жильё.

Она снова протянула два листа бумаги. На этот раз всё обошлось вполне мирно. Иван и Лариса быстро записали адреса и посмотрели на дверь.

«Понимают, что никто не будет искать грабителей. “Глухарь” он и есть “глухарь”», – подумала Алина, протягивая паспорта.

– Я вам позвоню ещё, – сказала она многозначительным тоном.

Впрочем, Алина не собиралась им звонить. В эту минуту перспектива раскрытия преступления казалась настолько безысходной, что ей хотелось как можно быстрее избавиться от этой парочки. Иван и Лариса догадывались, о чём думает симпатичная девушка за казённым столом. Никто никого искать не станет. Примет преступников нет. Свидетелей нет. Ничего нет. Вместо инкассации произошла кассация. В большом городе таких ограблений совершается великое множество. И этот грабёж – иголка в стоге сена.

После ухода потерпевших в закутке остался тяжёлый запах. Хотя внешне оба выглядели вполне благополучными людьми, не бомжи, не с улицы. Предприниматели, продуктами питания торгуют. Алина открыла окно и проветрила помещение. Продержаться бы до вечера. Дома сейчас хорошо, мама ждёт, может, она что-нибудь вкусненькое приготовила. При мыслях о доме стало немного легче. Хотя со вкусненьким не выгорит. Мама не любит готовить. Вечно жалуется на отсутствие денег. Пенсии матери на жизнь не хватает, а оклад дочери целиком ушёл на обновку. Всё равно дома хорошо. Алина сдвинула бумаги в стол и схватилась за телефонную трубку. Звонил дежурный.

* * *

По дороге в дежурку встретился Денис Хохленко. Немного вертлявый, глаза бегающие, весь дёрганый какой-то. Сейчас начнутся насмешки. Кузина приняла боевую стойку.

– Ну что, Алина Юрьевна, есть перспективы по грабежу? – спросил Хохленко, пряча взгляд.

Непонятно, о чём он думает. Хочет казаться своим, всегда пристанет, что-нибудь скажет, и непременно ласковое, приятное, но от его добрых слов становится мерзко, а в бегающие глазки невозможно заглянуть, ускользают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.